

V.

ОТЪ БАКУ ДО САЛЬЯНА.

Si les feux de Bakou et toutes les particularités qui les accompagnent avaient été visités par des physiciens observateurs et des chimistes habiles, on aurait depuis longtemps conçu l'idée d'appliquer le gaz à l'éclairage, tel qu'il existe des nos jours.

G a m b a, Voyage dans la Russie Mérid. II, p. 302.

Въ Баку мнѣ посчастливилось съ перваго же шагу :
на житье отданъ былъ цѣлый домъ, нанимаемый подъ
квартиру для пріѣзжающихъ чиновниковъ и на ту пору

никѣмъ не занятый. Этотъ домъ принадлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ къ числу лучшихъ домовъ въ Баку; онъ очень просторенъ, но для меня онъ былъ безцѣненъ, потому что занимаетъ одно изъ удобнѣйшихъ мѣстъ: съ одной стороны близъ него возвышается покинутый дворецъ бакинскихъ правителей, а съ другой изъ оконъ открывается обширная панорама Бакинскаго залива и Апшеронскаго полуострова съ загадочными неугасимыми огнями. Днемъ въ пору сіесты я любовался голубыми волнами пристани, на которыхъ качались игривыя суда, наблюдалъ съ высоты нравы Бакинцевъ въ ихъ дворахъ и узкихъ улицахъ и обѣгалъ въ зрительную трубу широкую окрестность, начиная съ городской «дѣвичьей башни» и оканчивая Шейховымъ мысомъ; ночью меня занимало отдаленное сіяніе неугасимыхъ огней на Апшеронскомъ полуостровѣ. Если вамъ, благосклонный читатель, доведется когда-нибудь посѣтить Баку — отчего и не посѣтить такой интересный и гостепріимный городъ? — рекомендую вамъ домъ, въ которомъ я останавливался: лучше квартиры нечего и искать!

Въ тотъ же день я познакомился съ уѣзднымъ начальникомъ К. И. Бученомъ и съ Комендантомъ Н. Я. Коржинскимъ, которые приняли самое теплое участіе въ моихъ будущихъ трудахъ на пользу оріентальнаго знанія. Благодаря этому участію, которое рѣдко встрѣчается на жизненномъ пути, я вскорѣ сидѣлъ за уроками въ татскомъ нарѣчій персидскаго языка съ самымъ краснорѣчивѣйшимъ Татомъ, какого только могъ отыскать въ цѣломъ бакинскомъ уѣздѣ Г-нъ Бученъ.

Пока я занимаюсь изученіемъ Татъ для пользы оріентальнаго знанія, не угодно-ли вамъ на всякій случай познакомиться съ городомъ Баку: я узналъ его въ мѣсячное пребываніе довольно подробно и могу служить, безъ хвастовства, хорошимъ чичероне.

Объ основаніи города Баку можно сказать то же самое, что и о большей части городовъ на бѣломъ свѣтѣ: время построенія точнымъ образомъ неизвѣстно. Но ради Аллаха, не спрашивайте объ этомъ туземцевъ, иначе вы должны будете выслушать широко-вѣщательное сказаніе объ основаніи этого города Аристотелемъ, переродившимся на Востока въ «Аристу»: подобную повѣсть для дѣтей я слышалъ отъ одного изъ самыхъ ученѣйшихъ муллъ бакинскихъ.

Древніе писатели ничего не говорятъ прямо о городѣ Баку, и по-этому я позволяю себѣ думать, что Баку тогда еще не существовалъ; можетъ быть на мѣстѣ Баку и стоялъ въ древности какой-нибудь городъ, только подъ другимъ именемъ: это предположеніе основательно только въ такомъ случаѣ, если очеркъ морскаго берега въ древности былъ одинаковъ съ нынѣшнимъ, потому что бакинскій рейдъ и удобство сухопутнаго сообщенія необходимо должны были привлечь народонаселеніе къ этому краю. Въ этомъ случаѣ имѣютъ достаточную вѣроятность предположенія тѣхъ, которыя видятъ въ Баку древнюю Гетару или Баруку или даже пожалуй Албану.

Неизвѣстно, существовало-ли какое поселеніе на мѣстѣ Баку во время владычества Сассанидовъ; надобно полагать, что выгоды мѣстности не могли оставаться безплодно при такомъ развитіи гражданственности, какое существовало въ сассанидской монархіи. Какъ бы то ни было, первое несомнѣнное извѣстіе о Баку мы находимъ у арабскихъ географовъ. Мас'уди говоритъ о Баку и его огняхъ, только не объясняетъ подробнымъ образомъ, существовалъ-ли въ его время городъ на этомъ мѣстѣ; Истахри также говоритъ только о нефти въ Баку, но Закарія Казвини и другіе говорятъ уже о городѣ Баку. Съ особенною подробностью описываетъ его здѣшній уроженецъ Бакуви, получившій прозваніе по своей родинѣ.

Арабскій географъ Ибнъ Аясъ, слѣдуя Бакуви, такъ описываетъ Баку:

«Описаніе города Бакуйя. Знай, что этотъ городъ лежитъ у моря Хазарскаго въ округѣ Ширванскомъ; вода морская омываетъ стѣны его и уже море поняло большую часть стѣнъ и башенъ его. Онъ построенъ изъ камня и много въ немъ мечетей; воздухъ здѣсь хорошій, вода свѣжая: вода изъ каменныхъ колодцевъ и текучихъ родниковъ. Пшеницы родится здѣсь мало, а доставляютъ ее изъ Ширвана и Мукана; много здѣсь плодовъ, сады же отдалены отъ города. Въ немъ находится два укрѣпленія, построенныя изъ камня: море уже приблизилось къ нимъ, и уже одно изъ нихъ разрушилось при взятіи Татарами. Въ окружности этого города много деревень: въ каждой деревнѣ есть укрѣпленіе. Въ этомъ городѣ есть рудникъ смолы, а въ разстояніи одной мили находится мѣсто, въ которомъ горитъ огонь безъ зажиганія свѣточей: это въ сторонѣ моря. Онъ поднимается такъ, что становится виднымъ на разстояніи одного дня или болѣе, горитъ нѣсколько времени, потомъ гаснетъ. Здѣсь ловятъ изъ моря тюленей, сдираютъ съ нихъ кожу и накладываютъ на суда, вмѣсто смолы. Здѣсь много дикихъ козъ, и подобнаго количества нѣтъ въ другихъ земляхъ».

И въ другомъ мѣстѣ:

«Описаніе Баку. Это городъ каменный на берегу моря Хазарскаго, въ округѣ Дербендскомъ близъ Ширвана. Море омываетъ башни этого города и стѣны его; земля его — твердый камень; воздухъ здѣсь хорошій, вода свѣжая, большею частію вода изъ колодцевъ, и есть здѣсь родники. Но объ этомъ уже было говорено».

Хамдулла Казвини, исчисляя округи или туманы (десятитысячья) Азербайджана и описывая туманъ Нахичеванскій, говоритъ, что онъ состоитъ изъ пяти городовъ: послѣдній изъ нихъ

«Бакуйя. Это крѣпость на каменной разсѣлинѣ, а селеніе находится подъ крѣпостью, такъ что гора до са-

мага полдня защищает селеніе отъ солнца. Здѣсь живетъ глава (Христіанскаго) духовенства Герджанія».

Вообще, восточные авторы въ извѣстіяхъ о Баку менѣе подробны всѣ вмѣстѣ, нежели одинъ Бакуви.

Такимъ образомъ основаніе нынѣшняго Баку можно отнести ко времени распространенія арабскаго владычества въ Дагестанѣ или не много ранѣе,

При Аравитянахъ Баку, вѣроятно, составлялъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ: Дербендіада говоритъ, что Халифъ Мотамедъ въ 272 (885 — 886) году отдалъ, особеннымъ указомъ, доходы съ бакинскихъ нефтяныхъ и соляныхъ промысловъ жителямъ Дербенда, для чего и былъ опредѣленъ надсмотрщикъ Мухаммедъ ибнъ Аммаръ, который ежегодно раздавалъ доходы дербендскимъ солдатамъ.

По мѣстоположенію своему Баку связанный близкими выгодами съ Ширваномъ, долженъ былъ раздѣлять его участь: при ослабленіи арабскаго владычества въ Дагестанѣ, Баку поступилъ подъ власть Ширванъ-шаховъ, за преданность которымъ пострадалъ при нашествіи Тохтамыша, чеканившаго въ Баку свою монету. При нападеніи на Ширванъ Исмаиля Сафи, жители Баку, надѣясь на крѣпость стѣнъ, не хотѣли измѣнить Ширванъ-шахамъ: Исмаиль приказалъ своимъ Генераламъ Мухаммедъ Эліасу и Игуръ Аалю взять Баку, которые и осадили городъ, но осада шла медленно. Весной явился самъ Исмаиль и стѣснилъ городъ съ такимъ рвеніемъ, что жители принуждены были сдаться: городскія власти вышли изъ крѣпости «съ оружіемъ въ рукахъ и съ саванами на выѣ». Хулясбекъ получилъ отъ Исмаиля повелѣніе забрать въ крѣпости казну Ширванъ-шаховъ и доставить ее въ лагерь онъ взялъ съ собой знатныхъ Бакинцевъ и присутствіи

ихъ овладѣлъ казной, которую вмѣстѣ съ дарами жителей отправилъ къ Исмаилу. Такъ какъ Ширванъ-шахи находились во враждѣ съ предками Исмаила, то, пользуясь правомъ побѣдителя, персидскій завоеватель приказалъ что называется на Востокѣ «осквернить гробы ихъ отцовъ» и сровнять съ землею зданіе Ширванъ-шаховъ. Послѣ чего Исмаиль «отыде во свояси».

Ширванъ-шахъ Шейхъ Ибрагимъ II не исполнилъ въ точности своихъ обязательствъ Исмаилу Сафи, и персидскій завоеватель 1509 года вступилъ опять въ Ширванъ и направилъ свой путь къ Баку, правитель котораго здалъ ему городъ: Баку поступилъ въ число владѣній персидскихъ.

Съ паденіемъ персидскаго владычества въ Ширванѣ, Османы овладѣли всей страной: Баку былъ укрѣпленъ Мустафой Пашей и образовалъ особенный санджакъ. Персіане, не хотѣвшіе уступить даромъ Ширвана, отгѣснили Османовъ и крымскихъ Татаръ въ Дагестанъ и Дербендъ, а назначенный беглербеемъ Ширванскимъ Сельманъ Ханъ осадилъ Баку, вторично укрѣпленную Османомъ Пашей. Восемнадцать дней продолжалась осада, но недостатокъ продовольствія въ опустошенномъ войнами Ширванѣ принудилъ Персіанъ отступить безъ всякаго успѣха. Обезсиленная Персія предлагала Россіи въ 1589 году взять у Турковъ въ вѣчное владѣніе Баку и Дербендъ, но я уже говорилъ въ исторіи Дербенда, что это предложеніе не имѣло успѣха.

При завоеваніи Ширвана шахомъ Аббасомъ I, шиитское народонаселеніе Баку, всегда пріязненное Персіи, какъ одновѣрной державѣ, составило противъ Турокъ, во время осады Аббасомъ Шемахи, заговоръ, который былъ открытъ Турками, но заговорщики нанали открытою силою на ничтожный турецкій гарнизонъ, перебили его и отправили головы убитыхъ къ Шаху. Аббасъ пожаловалъ за-

говорщикамъ все имущество убитыхъ враговъ и назначилъ въ Баку коменданта: городъ опять поступилъ подъ власть Персіанъ и былъ значительно исправленъ Шахомъ Аббасомъ II Сафи. Въ 1683 году Кемпферъ посѣтилъ Баку.

Во время смутъ въ Персіи жители Баку сначала отдавались подъ покровительство Петра Великаго, во время прибытія его въ Дагестанъ, но потомъ отказались, потому что бакинскій правитель находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ возмутителемъ Даудъ Беккомъ. Въ 1723 году Генераль-Маіоръ Матюшкинъ посланъ съ эскадрой въ Баку: послѣ четырехъ-дневнаго бомбандированія городъ сдался, правитель смѣненъ, а на мѣсто его назначенъ бывшій гарнизонный начальникъ Дергагъ-кули бекъ, переименованный въ Ханы. Но вскорѣ и онъ оказался измѣнникомъ, за что и былъ отрѣшенъ отъ должности, а Баку до 1735 года управлялся русскими комендантами.

По заключеніи ганджинскаго мира, Баку поступилъ опять во власть Персіи и Надиръ поставилъ здѣсь своего правителя. По смерти Надира бакинскимъ правителемъ сдѣлался одинъ изъ его вельможъ Мирза Мухаммедъ Ханъ, которому наследовалъ сынъ его Меликъ Мухаммедъ Ханъ, принужденный Фетхъ Али Ханомъ кубинскимъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, признать его власть, платить дань и принимать участіе въ его походахъ. Въ одномъ изъ нихъ Меликъ Ханъ едва не сдѣлался жертвою ярости Акушинцевъ, избившихъ Аварскаго Хана съ его свитой: спасенный приближенными Фетхъ Али Хана, онъ былъ осажденъ въ Баку, послѣ пораженія кевдушанскаго, Усміемъ Эмиръ Хамзой, но крѣпкія стѣны не выдали его; Усмій, опустошивъ часть Бакинскаго ханства, отступилъ къ Дербенду. Въ 1779 году Меликъ Ханъ наложилъ арестъ на бывшихъ въ Баку русскихъ купцовъ и ихъ товары за то, что захваченные Лезгинами изъ Баку два мальчика были проданы въ Астрахань, и только по возвращеніи

Генераломъ Якоби одного изъ нихъ сложилъ запрещеніе. По смерти Меликъ Мухаммедъ Хана наслѣдовалъ юный сынъ его Мирза Мухаммедъ Ханъ, у котораго вскорѣ отнялъ престолъ дядя его Мухаммедъ Кули Ханъ: Мирза Мухаммедъ бѣжалъ въ Кубу, гдѣ и остался, хотя Шейхъ Али Ханъ дербендскій и старался о возвращеніи ему законнаго владѣнія. Кубинскій мой знакомый Аббасъ Кули-Хановъ происходитъ отъ этого низложеннаго бакинскаго владѣтеля.

Послѣднимъ бакинскимъ Ханомъ былъ Хюсейнъ Кули Ханъ, имя громкое въ лѣтописяхъ злодѣяній. Онъ въ 1796 г. присягнулъ на вѣрноподданство Россіи, и посылая въ С. Петербургъ пословъ, въ тоже время сносился тайно съ Персіей, угнеталъ и грабилъ русскихъ купцовъ, и только при явленіи военного судна передъ Баку въ 1800 г. рѣшился удовлетворить обиженныхъ. Но вскорѣ дурная природа взяла свое, и бакинскій Ханъ вновь принялся за несправедливости и жестокость: не видя ни малѣйшаго исправленія, Князь Циціановъ, имя славное въ лѣтописяхъ Кавказа, послалъ въ 1805 году отрядъ въ Баку и приказалъ осадить городъ, но осада и блокада не имѣли успѣха, потому что на помощь Баку явился коварный Шейхъ Али Ханъ дербендскій и Сурхай Казикумыкскій: русскій отрядъ удалился, но потомъ, по приказанію Князя Циціанова, снова осадилъ Баку, а вскорѣ и самъ Князь Циціановъ явился къ отряду. Лучше бы ему не быть здѣсь! Коварный Хюсейнъ Кули Ханъ просилъ личнаго свиданія съ Главнокомандующимъ подъ стѣнами города, для врученія городскихъ ключей: великодушный Циціановъ явился на мѣсто свиданія и былъ измѣннически убитъ 6 Февраля 1806 года. Передъ кончиной герой написалъ слово прощенія своему убійцѣ: таковъ былъ этотъ мощный характеръ!

Въ томъ же году Хюсейнъ Кули Ханъ удалился съ

своимъ семействомъ и приверженцами въ главный персидскій лагерь у Сальяна, а Генераль Булгаковъ взялъ Баку и навсегда присоединилъ къ Россійской Имперіи.

Въ послѣднюю персидскую компанію, Баку, близкій къ персидскимъ границамъ, былъ осажденъ въ 1826 г. персидскимъ двухъ - тысячнымъ отрядомъ, а съ моря гребная флотилія персидская пресѣкла сообщенія, но въ Ноябрь персидскія войска разошлись и Баку освободился отъ блокады. Бывшій бакинскій Ханъ Хюсейнъ Кули тщетно искалъ связей въ Баку и старался возстановить противъ Россіи Лезгинъ: лишенный всякой надежды, онъ долженъ былъ удалиться въ Персію.

Вотъ и вся исторія города Баку : не много въ ней фактовъ, еще менѣе въ ней поучительнаго, а между тѣмъ на совѣсти мусульманскаго Баку лежитъ тяжкое, неискупное смертоубійство !

Всѣмъ извѣстно, что Баку лежитъ на Каспійскомъ морѣ, но не всѣ знаютъ, отчего этотъ городъ получилъ свое наименованіе. Каково бы ни было первоначальное восточное его названіе, во всякомъ случаѣ оно имѣло поводомъ обиліе вѣтровъ въ Бакинскомъ заливѣ, отчего происходитъ и новѣйшее названіе, утвердившееся между Персіянами, «Бадкубэ» собраніе вѣтровъ.

Городъ Баку лежитъ подъ 40° 21' 26" с. ш. и 67° 30' В. Д. отъ Ферро ; западное уклоненіе компаса 3° 54' 4". Мѣстность города могла бы назваться очень живописной, если бы на этомъ мѣстѣ стоялъ не Баку. Онъ расположенъ по закраинѣ Бакинскаго залива на невысокомъ холмѣ, постепенно понижающемся къ морю. Прочь отъ меня соблазнительная мысль о чудномъ «Семихолмномъ градѣ» на берегахъ Босфора, но я не могу не объявить во всевѣдѣніе, что, по пріѣздѣ въ Бендеръ Буширъ на Персид-

скомъ заливѣ, мнѣ не знаю почему, пришелъ въ голову Баку, хотя я не могу сказать, чтобъ между этими двумя городами было много общаго. Впрочемъ, мѣстности обоихъ довольно сходны и даже отчасти строеніе, но болѣе ничего.

Нечего и говорить о томъ, что Баку городъ совершенно восточный, что здѣсь въ самой превосходной степени все на-выворотъ: дома построены большею частію изъ нетесаннаго камня съ глиной, съ отлично плоскими кровлями, поставлены другъ къ другу задомъ безъ всякой субординаціи, а улицы до того узки и до того перепутаны, что, проживя въ Баку мѣсяцъ, я не зналъ, входя въ какую-нибудь улицу, выйду-ли изъ нея. Для большаго безпорядка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются неправильныя площади: улицы выются по скатамъ холма, на которомъ построенъ Баку, а площади-пустыри большею частію находятся внизу. Какъ безпристрастный описыватель, я могу рекомендовать въ Баку только одну улицу, которая неизвѣстными въ геометріи линіями идетъ отъ шамахинскихъ воротъ и пересѣкаетъ почти весь городъ въ направленіи къ морю, ту самую улицу, по которой я любилъ гулять вечерней порой при свѣтѣ яркихъ бакинскихъ звѣздъ.

Нельзя сказать, чтобъ въ Баку всѣ дома были равно безобразны: напротивъ, есть дома очень невзрачныя, есть дома развалины, но есть и красивыя дома. Послѣднихъ, къ сожалѣнію, очень не много. Красота бакинскихъ домовъ не бросается въ глаза, по самой простой причинѣ: снаружи почти всѣ дома одинаковы, но внутри они отдѣланы съ большою тщательностію, а другіе и совсѣмъ не отдѣланы. Приморское положеніе и торговля оживляютъ городъ и даютъ жителямъ средства къ извѣстной роскоши, на счетъ которой, однако, Востокъ имѣетъ свои понятія: снаружи ничего не должно быть кромѣ голыхъ стѣнъ, а внутри можно свободно предаваться влеченіямъ фантазіи.

Такъ думаетъ Востокъ, и въ слѣдствіе этого Бакинцы, усердные подражатели персидскихъ понятій, отдѣлываютъ, кому позволяютъ средства, внутренность домовъ въ персидскомъ вкусѣ. Въ этомъ случаѣ главную роль играетъ залъ съ расписнымъ потолкомъ, съ золото-пестрыми картинами, съ коврами на полу и съ сплошными стеклянными окнами вмѣсто стѣнъ съ трехъ сторонъ. Не сулите Бакинцу рай, а дайте ему такой покой: больше ему ничего не нужно!

Бакинская крѣпость обведена съ суши двумя стѣнами съ бастіонами и рвомъ, а съ моря одной стѣной, имѣетъ подъемный мостъ и хорошо защищена, только съ ю. з. стороны вывѣшаются холмы, господствующіе надъ городомъ. Меньшая или фособрейная стѣна построена до владычества Турокъ въ Дагестанѣ и мѣстами разрушилась; главная же выведена по приказанію Мустафы Паши, а Русскими исправлена и улучшена; она высока, прочно и широко сложена. Во рву съ з. стороны течетъ ручей, а между первой и второй стѣной также проходитъ ручей съ бассейнами. Бастіоны принадлежатъ къ числу русскихъ работъ.

Бакинская крѣпость имѣетъ съ суши двое воротъ съ сторожевыми бастіонами: шамахинскія съ с. в. стороны, черезъ которыя я въѣхалъ въ Баку, и горныя съ ю. з. стороны, черезъ которыя я ходилъ на бакинское кладбище. Съ приморской стороны находится нѣсколько малыхъ выходовъ, а желающіе могутъ проходить прямо и черезъ стѣну: этотъ путь и я однажды испыталъ.

Прежде, чѣмъ я выведу васъ за городъ, позвольте познакомить васъ со всѣмъ, что находится въ городѣ.

Ргімо: въ Баку есть общество, притомъ юное общество, какъ будто въ противоположность старымъ развалинамъ. Изъ при-каспійскихъ городовъ это самый веселый:

наѣзды моряковъ, начальникъ которыхъ М. М. Большой живетъ здѣсь постоянно и постоянно по четвергамъ собираетъ у себя все бакинское общество, оживляютъ социальную дѣятельность, центрами которой служатъ уѣздный начальникъ и комендантъ. Правда, что въ Баку нѣтъ русскихъ помѣщиковъ, что все общество состоитъ изъ служащихъ, но служба не мѣшаетъ собираться вечеромъ вмѣстѣ и отдыхать отъ жизненныхъ заботъ въ дружеской бесѣдѣ. Зимой здѣсь бываютъ благородныя собранія, въ которыхъ иной разъ мазурка составляетъ въ восемнадцать паръ, а для Закавказья это неслыханная роскошь! Да что еще я слышалъ: будто бы изъ Шамахи, губернскаго города, люди очень достойные пріѣзжаютъ повеселиться въ Баку. Съ Астраханью Баку находится въ самыхъ душевныхъ отношеніяхъ, потому что большая часть супружескихъ узъ Баку заключены въ Астрахани. Я не могу писать идиллій, перо мое не такъ очинено, но я съ признательностью вспоминаю о бакинскихъ жителяхъ, хотя я прибылъ въ Баку въ злую минуту — когда въ управленіи происходила реформа, имѣвшая, разумѣется, влияние и на общество. Какъ человѣку постороннему, мнѣ не было дѣла до того, что одна власть прогуливалась по городу инкогнито, будто Гарунъ-Эррашидъ, за тѣмъ, чтобы подмѣтить несправедливости другой власти: мнѣ было пріятно въ Баку — вотъ и все!

Купечество въ Баку большею частью состоитъ изъ Мусульманъ: участіе въ русскомъ обществѣ принимаютъ только военные мусульманскіе, а изъ купцовъ Армянинъ Т. И. Айвазовъ.

Для публичной жизни въ Баку нѣтъ ничего, кромѣ общественнаго сада, въ которомъ единственное развлеченіе доставляетъ скромный тюлень, обитающій въ садкѣ, а отъ зноя и любопытныхъ взоровъ не гдѣ укрыться: всего одна грѣшная аллея. Впрочемъ, въ саду почти никогда не видно никого, а гуляютъ болѣе по форштату.

Безъ всякаго спора одинъ изъ самыхъ любопытныхъ предметовъ въ Баку Шахскій дворецъ или лучше сказать развалины дворца, занимающія вершину холма, на которомъ разостланъ Баку. Это зданіе довольно пострадало отъ времени, а еще болѣе отъ лѣности человѣка, который, чтобъ много не трудиться, беретъ отсюда камни на постройку дряннаго домишка и безъ стыда разрушаетъ древность.

Дворецъ занимаетъ въ длину болѣе двадцати сажень и состоитъ изъ многихъ частей, какъ видно на прилагаемомъ планѣ. Все зданіе построено изъ ракушнаго известняка: довольно большіе камни обтесаны очень гладко и такъ плотно сложены, что не замѣтно сводокъ или щелей. Къ главному корпусу, фасадъ котораго, если только есть фасадъ у мусульманскихъ домовъ, обращенъ на з. къ горамъ, примыкаютъ сзади и слѣва, по-видимому, позднѣйшія и менѣе изящныя пристройки, которыя цѣлымъ этажемъ ниже корпуса, выстроеннаго въ три этажа: отъ заднихъ пристроекъ остаются одни слѣды, и едва-ли здѣсь не проходила почти прямой линіей восточная стѣна, отъ которой уцѣлѣли на ю. в. красивыя ворота, нынѣ до половины засыпанныя пескомъ. Главный корпусъ, имѣющій въ двухъ этажахъ болѣе сорока комнатъ различной величины, составлялъ «андерунъ» внутренніе покои, въ которыхъ бакинскій владѣтель вмѣстѣ съ своими женами тѣшилъ взоръ созерцаніемъ далекаго горизонта въ Бакинскомъ заливѣ и Апшеронскомъ полуостровѣ: для этого служила комната съ стрѣльчатымъ сводомъ въ срединѣ зданія, выдававшаяся кіоскомъ на Востокъ. Передъ фасадомъ дворца находится дворъ, съ котораго красивымъ сводомъ ведетъ главный входъ по срединѣ корпуса во внутренній аудіенцъ-залъ восьмиугольной формы съ легкимъ куполомъ. Въ другихъ комнатахъ также вѣроятно были куполы, но нынѣ уцѣлѣло только два. Кровли уже не существуетъ, она вся упала; стѣны въ верхнемъ этажѣ

также большею частию обвалились, и нижній этажъ, въ которомъ, по-видимому, находились конюшни и погреба, потому что здѣсь нѣтъ оконъ, почти совершенно засыпанъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продѣланы новые входы, въ другихъ задѣланы старые, окна изуродованы или закладены, лѣстницы полуразрушены, внутренней отдѣлки нѣтъ и слѣдовъ: вотъ въ какомъ плачевномъ положеніи я засталъ бакинскій дворецъ, въ которомъ, вѣроятно въ урокъ суетности человѣческой, обитаютъ теперь огромныя свиньи, безкорыстно трудящіяся надъ расчискою нижнихъ комнатъ!

Изъ пристройки на лѣвой сторонѣ существуетъ небольшой домашній ходъ въ шахскую мечеть, находящуюся противъ дворца только черезъ улицу.

Правая сторона составляла собственно наружный отдѣлъ, открытый для всѣхъ подданныхъ: здѣсь на небольшомъ дворѣ, который окруженъ, по восточному обычаю, небольшимъ навѣсомъ съ колоннами и арками, возвышается одно изъ лучшихъ произведеній мусульманской архитектуры — «диванъ ханъ» аудіенцъ-залъ, въ которомъ бакинскій правитель рѣшалъ важныя дѣла, являлся своимъ вельможамъ въ праздники и принималъ торжественно пословъ. Залъ обведенъ галереей съ гранеными колонами и арабскими сводами: подъ каждымъ изъ нихъ находится окно этой восьмиугольной комнаты, сидя въ которой правитель былъ видимъ взорамъ всѣхъ придворныхъ, стоявшихъ на дворѣ вокругъ галереи. По срединѣ зала, вѣроятно, былъ фонтанъ, не рѣдко прохлаждавшій возмущеннаго гнѣвомъ правителя. Главный входъ съ высокимъ разукрашеннымъ фасадомъ, въ которомъ углубляется арабскій сводъ, исчезающій въ мелкихъ арабескахъ, находится съ западной стороны: этотъ входъ какъ будто снятъ съ самой лучшей арабской мечети Каира и волшебною силою только вчера перенесенъ сюда: такъ въ немъ

все свѣжо и все изящно! Ходъ во дворецъ находится въ южной стѣнѣ и ведетъ на главный внутренній дворъ, а ворота на дворъ диванъ-ханэ находятся съ з. стороны: къ нимъ идетъ съ улицы дорога, поднимающаяся на холмъ.

Я чувствую, что читатель уже утомленъ описаніемъ бакинскаго дворца, а я далеко еще не рассказалъ всѣхъ его красотъ: для сокращенія описанія прилагаю здѣсь рисунки, представляющіе фасадъ дворца съ внутренняго двора, заднюю часть дворца съ изящными воротами и диванъ-ханэ съ главнымъ входомъ.

Люди, мало знакомые съ восточною архитектурою, предполагають, что диванъ-ханэ не диванъ-ханэ, а баня! Другіе, воображеніе которыхъ привыкло ко всему чудесному, видятъ въ проводѣ воды для фонтана въ залѣ страшную комнату пытки, въ которой бакинскій правитель исповѣдывалъ совѣсть своихъ подданныхъ. Это уже верхъ незнанія Востока!

Мнѣ говорили еще о подземномъ ходѣ изъ дворца къ «дѣвичьей башнѣ» и за городскія стѣны, но я не могу сказать, до какой степени это справедливо.

Къ з. отъ дворца внизу находится по срединѣ обширнаго двора Шахская мечеть, очень красивое квадратное зданіе съ высокимъ куполомъ и изящнымъ входомъ, совершенно похожимъ на главный входъ въ диванъ-ханэ: надъ этимъ входомъ красуется рѣзный стихъ мусульманскаго символа. Съ лѣвой стороны двора находится другая мечеть съ персидскимъ минаретомъ, вокругъ котораго вьется арабская надпись, объясняющая, что эти зданія воздвигнуты Ширванъ-шахомъ Ибрагимъ Халиль улой Феррухъ Есаръ Оглу, правившимъ въ Ширванѣ съ 1462 г. по 1500. Построеніе дворца также принадлежитъ ему (въ 1491 г.) по народному свѣдѣнію и совершенному сход-

ству двухъ зданій: другихъ доказательствъ на это не имѣется. Вѣроятно, дворецъ опустѣлъ со времени паденія Ширванъ-шаховъ или лучше сказать со времени взятія Баку Шахомъ Исмаилемъ, врагомъ этой династїи, не пощадившимъ даже ея могилъ: Бакинскіе Ханы жили въ зданїи, которое нынѣ занимаетъ комендантъ. Надъ входомъ въ диванъ-ханѣ находится замазанная известью надпись; можетъ быть въ ней заключается «тарихъ» время построенія дворца, чего, впрочемъ, я не предполагаю: скорѣе тутъ окажется какое-нибудь благочестивое изрѣченіе.

Бакинскій дворецъ, по прочности матеріала и искусству стройки, принадлежитъ къ лучшимъ памятникамъ мусульманской архитектуры: въ цѣлой Персїи, всѣ дворцы которой построены изъ мелкаго кирпича, не существуетъ подобнаго зданія, хотя оно по величинѣ и далеко уступаетъ дворцамъ испаганскимъ или тереганскимъ, изящность же и массивность работы едва-ли будутъ не на сторонѣ бакинскаго зданія. Я душевно печалюсь за будущность, которая угрожаетъ обиталищу Ширванъ-шаховъ: не много нужно времени для того, чтобъ весь дворецъ исчезъ отъ набѣговъ маленькихъ бакинскихъ корсаровъ, которые даже балластъ на суда берутъ отсюда; исправленный онъ могъ бы служить превосходнымъ помѣщеніемъ на случай прїѣзда Высочайшихъ гостей. Притомъ же это былъ бы единственный въ своемъ родѣ восточный дворецъ въ предѣлахъ Россїи, передъ которымъ бакчесарайскій не стоитъ даже названія лачужки, а о дворцѣ въ Нухѣ нечего и поминать!

Въ Шахской мечети нынѣ помѣщается артиллерійскій арсеналъ.

Едва-ли не древнѣе Шахскаго дворца старинная цилиндрическая башня, возвышающаяся на углу гавани, внутри городской стѣны: она сложена изъ твердаго ра-

кушнаго известняка, въ діаметрѣ имѣетъ 8 сажень, а въ вышину 20; внутри ея находится лѣстница, а сбоку при-
мыкаетъ выходъ къ сторонѣ моря; на южной сторонѣ на-
ходится куфическая надпись, въ которой уцѣлѣли слова :
«во время царствованія Джайту Худабэнда», т. е. гула-
гидскаго государя Олджайту, царствовавшаго въ Персіи
съ 1304 по 1316 годъ. Это зданіе приходитъ въ упа-
докъ и даже грозитъ паденіемъ, но исправить его нѣтъ
возможности: скорѣе можно выстроить новую башню, чѣмъ
поправить прежнюю.

Бакинцы называютъ эту башню «Кызъ-каляси» дѣ-
вичья башня, и повторяютъ о ней исторію, которую въ
Персіи прилагаютъ ко всѣмъ неизвѣстнымъ башнямъ. Этотъ
мифъ совершенно оріенталенъ: какой-то царь влюбился въ
свою дочь, а дочь упростила его выстроить для свиданій
башню, гдѣ и скрылась отъ преслѣдованій отца. Безъ
всякаго сомнѣнія эта сказка очень древняя, и событіе,
если только когда-нибудь было подобное событіе, надобно
отнести къ временамъ Сассанидовъ, не ранѣе. Въ Кон-
стантинополѣ есть своя Кызъ-каляси съ иной исторіей.

Устраняя преданіе, совершенно не идущее къ дѣлу,
я думаю, что эта башня служила сторожевою для наблю-
денія надъ приближающимися судами и для защиты го-
рода: построеніе ея я отношу къ тѣмъ временамъ, когда
на Каспійскомъ морѣ пиратствовали Руссы, о наѣздахъ ко-
торыхъ на Берду рассказываетъ арабскій географъ Мас'уди.

На вершинѣ башни, съ которой когда-то стерегли на-
шествіе Руссовъ, развѣвается нынѣ Русское знамя. Съ тер-
расы видъ на гавань и на городъ очень живописенъ: ко-
рабли съ распушенными парусами бѣгутъ по рейду, цвѣт-
ные флаги вѣютъ на мачтахъ многочисленныхъ судовъ,
качающихся на волнахъ у стѣнъ городскихъ; на при-
стани шумъ и говоръ разныхъ языковъ не умолкаютъ,

на базарѣ кипить дѣятельность торговли и ремесла. Изъ Шахскаго дворца панорама еще обширнѣе, видъ еще разнообразнѣе.

Изъ замѣчательностей внутри города стоитъ еще упомянуть о сборной мечети. Конечно, бакинская мечеть уступаетъ дербендской во всѣхъ отношеніяхъ, даже по древности, и снаружи почти ничѣмъ не отличается отъ сосѣднихъ домовъ, спускъ въ нее ведетъ будто въ подвалъ, потому что она построена на отлогомъ мѣстѣ близъ базара, но внутреннее устройство достойно вниманія людей странствующихъ. Главный залъ съ остроконечнымъ куполомъ отдѣланъ внутри разноцвѣтными арабесками въ персидскомъ вкусѣ; къ нему примыкаютъ подземные мрачные своды, которые особенно эффектны въ ночную пору при слабомъ мерцаніи лампъ. Въ одномъ изъ отдѣленій находится амвонъ съ арками, освѣщаемый широкимъ отверстіемъ въ куполѣ: мнѣ онъ такъ понравился, что я срисовалъ его для собственнаго употребленія.

Нѣкоторые приписываютъ сборную мечеть Шаху Аббасу Великому, но исторіографъ его Искендеръ Мунши ничего объ этомъ не говоритъ, а потому я заключаю съ нѣкоторою справедливостью, что сборная бакинская мечеть построена украсителемъ города Ширванъ-шахомъ Феррухъ Есаръ Оглу. Въ настоящее время мечеть уже существуетъ въ иномъ видѣ: она была обновлена и передѣлана. Любопытно сравненіе этой мечети съ дербендской: въ ней тотчасъ же обнаруживается персидскій характеръ, тогда какъ дербендская мечеть соответствуетъ арабскимъ архитектурнымъ понятіямъ. Пространный трактатъ о мусульманской архитектурѣ предстоить вамъ, благосклонный читатель, впереди, когда я доберусь до Каира.

Въ Баку мечетей много, но съ минаретами только три: шахская, сборная и еще одна. Всѣ минареты по-

строены въ персидскомъ вкусѣ: круглы, тяжелы, не высоки и покрыты плоскимъ куполомъ.

Больше нечего сказать о древностяхъ внутри крѣпости, но базаръ такого торговаго города какъ Баку, нельзя пропустить безъ вниманія: онъ расположенъ въ нижней части города къ морю, набитъ персидскими, астраханскими и туземными произведеніями, полонъ разными ремесленниками по восточному заведенію, и обширнѣе и дѣятельнѣе дербендскаго; здѣсь встрѣчается европейскихъ товаровъ больше, чѣмъ въ Дербендѣ. Этимъ оканчивается все различіе двухъ базаровъ: запахъ и смрадъ на обоихъ одинаковы.

Подъ однимъ изъ караванъ-сараевъ базарныхъ находятся многочисленныя подвалы, по словамъ бакинскихъ старожиловъ, имѣющіе сообщеніе подземное съ ханскимъ дворцомъ, нынѣ комендантскимъ домомъ.

Чтобъ освѣжиться и сбросить съ себя тяжелое впечатлѣніе безмолвныхъ руинъ, выйдемъ-те изъ шемахинскихъ воротъ: прямо передъ нами находится форштатъ, въ которомъ больше простору, чѣмъ въ городѣ, улицы широкія, дома не въ развалинахъ, изрѣдка украшены садами, но и сюда проникла меркантильность: въ форштатѣ лавокъ едва-ли не столько же, сколько и домовъ. Онъ преимущественно служитъ пристанищемъ каравановъ и пріѣзжихъ: верблюды и ослы занимаютъ обширныя площади форштата.

Гмелинъ говоритъ о развалинахъ стариннаго Баку въ этой сторонѣ, о ханскомъ загородномъ домѣ и объ укрѣпленномъ замкѣ: нынѣ ничего этого уже не существуетъ; время и люди все истребили. За то къ с. отъ Баку построено очень благотѣльное учрежденіе — карантинъ: во время моего пребыванія въ карантинѣ очищались три судна. Къ западу и югу отъ Баку тянутся высокіе холмы

каменистые и бесплодные; на нихъ въ сторонѣ горныхъ воротъ расположено бакинское кладбище, на которомъ я не нашелъ ничего древняго. Бакинскіе любители старины увѣряли меня, будто бы на здѣшнемъ кладбищѣ былъ камень неизвѣстно куда исчезнувшій, съ надписью «это могила покойнаго Хаджи Исмаила, 54 года,» что на нашъ счетъ составляетъ 673 годъ: только любители древностей и могутъ вѣрить такой баснѣ! Для сильнѣйшаго пораженія скептиковъ, эти же археологи утверждаютъ, что въ деревнѣ Кугне Бильге на Апшеронскомъ полуостровѣ находятся надписи X, XI и XII столѣтія, извѣщающія почтеннѣйшую публику, что здѣсь останавливались за непогодой мазандеранскіе купцы, плывшіе съ товаромъ въ Астрахань.

Съ южной стороны городъ Баку почти живописенъ, а потому я и постарался снять отсюда его видъ: дома въ странномъ безпорядкѣ поднимаются одни надъ другими, а надъ всѣмъ городомъ господствуетъ Шахскій дворецъ, обломанныя стѣны котораго обозначились на горизонтѣ; рядомъ съ нимъ возвышается минареть шахской мечети, въ срединѣ города еще стоитъ минареть, далѣе минареть сборной мечети, а на уголъ къ морю выдвинулась массивная «дѣвичья башня».

Бакинская гавань составляетъ настоящее золотое дно для города; на западномъ берегу Каспійскаго моря это почти лучшая гавань по своей безопасности, а по другимъ выгодамъ она не имѣетъ себѣ соперницы на этомъ берегу: Баку расположенъ на торговомъ перепутыи изъ Персіи въ Волгу и удобно сообщается съ Ширваномъ, Закавказьемъ и Дагестаномъ. Берега Бакинскаго залива приглубы, такъ что суда могутъ становиться у самой суши: слабость иловатаго грунта и порывистые измѣнчивые вѣтры составляютъ единственное неудобство бакинскаго рейда, открытаго во всѣ времена года. Бакинскій заливъ образуется

между двумя мысами Шиховымъ (Шейховымъ) и мысомъ Султанъ или, по народному выговору, Солянымъ; съ южной стороны его находятся двѣ скалы, называемыя «Бакинскія уши».

Торговый балансъ въ Баку для Россіи не выгоденъ: ввозъ товаровъ изъ-за границы почти вдвое превышаетъ вывозъ. Это происходитъ отъ различія потребностей Востока съ нашими, а преимущественно отъ обилія англійскихъ мануфактуръ въ Персіи, такъ что Россія едва имѣетъ что продавать въ обмѣнъ привозимыхъ товаровъ. Изъ Баку вывозится за границу преимущественно нефть, соль, шафранъ и металлическія издѣлія, шелкъ-сырецъ, шелковыя издѣлія, сушеные фрукты и хлѣбъ. Торговля собственно съ Россіей состоитъ въ привозѣ красныхъ товаровъ, сахару, чаю, меди, желѣза, строеваго лѣсу, и въ вывозѣ хлопчатой бумаги, марены, мягкой рухляди и чернильныхъ орѣшковъ. Круглымъ счетомъ въ годъ приходитъ на бакинскій рейдъ изъ Россіи и Персіи около 200 еудовъ и немного болѣе отходить.

Самымъ выгоднымъ товаромъ въ торговлѣ съ Россіей Бакинцы считаютъ пушный, но въ послѣднее время мѣха въ вывозѣ вздорожали; очень выгодна тайная покупка у рыбопромышленниковъ рыбнаго клею, которая приноситъ ровно 100%, но это принадлежитъ къ контрабандѣ. Торгъ шелкомъ вообще упалъ, потому что шелку требовалось въ Россію мало; шемахинскій шелкъ продается пудъ по шестидесяти рублей серебромъ, а гиланскій отъ 350 до 500 руб. ассиг. Привозъ сарацинскаго пшена такъ усилился, что многіе терпятъ отъ него убытокъ.

Со времени моего отъѣзда изъ Дагестана послѣдовали значительныя перемѣны въ таможенномъ устройствѣ въ Баку, и потому я не буду много говорить о бакинской торговлѣ, но не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о бакинской контрабандѣ.

Самый употребительный способ контрабандныхъ промысловъ состоитъ въ томъ, что судно останавливается у Шейхова мыса, складываетъ тутъ контрабанду, и потомъ, какъ ни въ чемъ невинное, является въ карантинъ. По увѣренію людей свѣдущихъ, контрабанда въ Баку очень незначительна: промышляютъ ей люди бѣдные, товару проскакиваютъ мимо таможи не больше какъ рублей на десять серебромъ въ разъ.

Къ числу дешевыхъ контрабандъ въ Баку принадлежатъ сердолики и разные камни, ограненные для серегъ, табакерокъ, и проч. На бакинскомъ базарѣ можно накупить ихъ сколько душѣ угодно за ничтожную цѣну, только этотъ товаръ дальше Баку не идетъ.

Бакинская таможня помѣщалась при мнѣ въ наемномъ домѣ внутри города, а проходящіе черезъ таможню товары сваливались въ наемномъ караванъ-сараѣ; для общаго таможеннаго помѣщенія отстраивается обширное и прекрасное зданіе, которое будетъ служить украшеніемъ города.

Съ учрежденіемъ пароходства на Каспійскомъ морѣ, съ направленіемъ транзитной торговли изъ Персіи въ Баку и съ открытіемъ русскихъ торговыхъ компаній за Кавказомъ можно надѣяться, что торговый балансъ Баку представитъ утѣшительный результатъ.

Въ Баку большую часть купечества составляютъ мусульманскіе туземцы. Для морской торговли строятся здѣсь туземцами же незавидныя суда, называемыя «бакинками»: доски для судовъ доставляются изъ Астрахани. Постройка судна, поднимающаго пять тысячъ пудовъ, обходится въ Баку въ 2,250 руб. сер., что для каспійскаго судоходства не дорого.

Но для путешественника бакинская гавань замѣчатель-

на не удобствомъ своимъ, не многочисленностью толпящихся въ ней судовъ, не любопытными явленіями торговой дѣятельности: чудо неслыханное, диво не виданное составляютъ зданія, какъ будто только вчера опустившіяся на дно гавани, а между тѣмъ ни древность, ни ученые, ни преданіе, никто не скажетъ вамъ когда и какъ потонули эти зданія.

Конечно, одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ въ Баку былъ сдѣланъ этимъ почтеннымъ диковинкамъ. Въ лодкѣ Г-на Айвазона я отправился въ одинъ прекрасный полдень по Бакинскому заливу, и черезъ триста сажень плаванія на ю. в. мой корабль остановился: передо мной возвышалось на аршинъ отъ морской скатерти каменное зданіе, по постройкѣ своей имѣющее явное родство съ дѣвичьей башней. Стая баклановъ поднялась съ этой руины, а большая змѣя, наслаждавшаяся солнечной теплотой, шипя скрылась въ расщелины. Я осмотрѣлъ внимательно зданіе и нашелъ, что формою своей оно похоже и на башню и на караванъ-сарай, но болѣе на первую: сомнѣніе мое происходитъ отъ того, что форма зданія видна очень не далеко, и о фундаментѣ и нижнихъ этажахъ нельзя сказать ничего. Кругомъ этого зданія находятся на пространствѣ восьми сажень въ ширину и сорока въ длину потопленные строенія и все это на глубинѣ едва-ли полуторыхъ сажень. Эти постройки, по-видимому, состояли въ связи съ дѣвичьей башней, потому что отъ нея въ направленіи къ ю. открыта стѣна.

Удивительный случай: зданія потоплены съ незапамятной поры и ничего о нихъ не извѣстно. Какое обширное поле для шаловливой фантазіи, и между тѣмъ бакинскіе туземцы не воспользовались этимъ полемъ и молчатъ, упорно молчатъ о потопленномъ строеніи. Такъ какъ бакинскимъ археологамъ не угодно взять на себя трудъ растолкованія этого страннаго феномена, то я рѣ-

шаюсь выступить съ своимъ сужденіемъ, которое, признаюсь, болѣе будетъ основываться на отсутствіи историческихъ данныхъ, чѣмъ на ихъ существованіи.

Знаменитый арабскій географъ Мас'уди, посѣтившій Закавказье между 917 и 926 годомъ и знавшій эту страну довольно основательно, знавшій даже о физическихъ феноменахъ бакинской почвы, ничего не говоритъ о потопленіи развалинъ въ морѣ, хотя и пишетъ о Закавказьи довольно подробно; текстъ Истахри, по-видимому сокращенный, также не упоминаетъ о подобномъ событіи, но у Бакуви мы уже находимъ довольно ясное на него указаніе. Вотъ что пишетъ этотъ арабскій географъ начала XV столѣтія.

«Бакуйъ. Длина 84° 30' широта 39° 30'. Городъ, выстроенный изъ камня, на берегу моря Хазарскаго, въ странѣ Дербендской близъ Ширвана: онъ омывается моремъ, которое покрыло теперь часть башенъ и стѣнъ и дошло уже до мечети.»

Кажется, нельзя сомнѣваться, что Бакуви говоритъ о томъ самомъ строеніи, которое находится теперь подъ водой въ бакинской гавани. Да иначе и объяснить себѣ нельзя, потому что Мас'уди ничего объ этомъ стремленіи моря не говоритъ, а если бы потопленіе случилось послѣ Бакуви, то время событія сдѣлалось бы извѣстно если не по книгамъ, такъ изъ преданія.

На основаніи этой шаткой гипотезы я отваживаюсь думать, что потопленіе бакинскихъ строеній произошло между X и XIII вѣкомъ нашей эры; еслибъ оно было позже XIII столѣтія, то Бакуви, какъ первый наслѣдникъ преданія, означилъ бы эпоху событія. Изъ словъ Гмелина видно, что еще въ его время существовали остатки стараго Баку: значитъ городъ не разъ перемѣнялъ свое мѣсто,

не разъ перестраивался. Можетъ быть, во время Бакуви городъ занималъ и не нынѣшнее его мѣсто, но это нисколько не измѣняетъ значенія словъ Бакуви, а также нельзя требовать точнаго указанія на мечеть, о которой говоритъ этотъ писатель. Можно предполагать, что въ означенную мною эпоху вулканическое явленіе, въ этомъ краю не рѣдкое, опустило дно морское, а съ нимъ вмѣстѣ и часть городского строенія, современнаго дѣвичьей башнѣ: утраченные жители убрались подальше отъ опаснаго сѣда, но потомъ спокойствіе почвы и соблазнъ торговыхъ барышей подвинули Баку ближе къ морю на нынѣшнее его мѣсто.

Это моя гипотеза, противъ которой, однако, я не вижу никакихъ возраженій.

Бакинцы о потопленныхъ зданіяхъ говорятъ, что это остатки города Сабаила, и пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, непременно скажутъ:

— Это не чудо. Вотъ на дорогѣ къ Сальяну находится истинно «удивительное-необыкновенное»: потопленъ въ морѣ цѣлый городъ «Шагри-юнанъ» греческій городъ.

— Неужели?

— Отрѣзанная правда, душа моя!

И при этомъ, не ожидая дальнѣйшихъ распросовъ, услужливый Бакинецъ, которому частыя торговыя сношенія развязали языкъ, начинаетъ повѣствовать, можетъ быть, въ сотый разъ исторію, которую я расскажу здѣсь въ первый и послѣдній:

Греческій городъ «Шагри-юнанъ» стоялъ подъ горой, на которой жилъ въ пещерѣ мудрецъ «Ифлятунъ» Платонъ — да помиуетъ его Аллахъ! — и училъ людей уму-

разуму; въ числѣ его учениковъ находился «Аристу» Аристотель, бывшій основатель Баку. Искендеръ выпросилъ себѣ Аристу у Ифлятунѣ въ Везири; разумѣется, попавши изъ учениковъ философіи, что равняется ученику третьяго класса въ нашихъ семинаріяхъ, прямо въ Министры, да еще можетъ быть въ Министры иностранныхъ дѣлъ, Аристу возгордился и поссорился съ своимъ наставникомъ, а такъ какъ онъ еще разумѣлъ кое-что изъ прежней мудрости, то вскорѣ изобрѣлъ составъ, истребляющій землю, и безъ всякаго состраданія окатилъ имъ гору, гдѣ обиталъ его учитель. И гора, и Шагри-юнанъ опустились, море покрыло ихъ своими волнами, а Ифлятунъ, какъ я полагаю, послѣ такого казуса удалился въ Баку, и едвали это не онъ самъ рассказывалъ мнѣ такое странное происшествіе, какого даже не случилось и по провіантской части.

По словамъ одного почтеннаго Бакинца Хаджи-бабы, не того, который ѣздилъ изъ Персіи въ Лондонъ, а бакинскаго Хаджи-бабы, Шагри-юнанъ простирается въ морѣ — это Хаджи-баба видѣлъ своими собственными, а не чужими глазами — на цѣлый фарсахъ или нѣмецкую милю, въ разстояніи сорока верстъ отъ берега, на пути изъ Баку въ Сальянъ между Нефтяной Банкой и Погорѣлой плитой; Хаджи-баба очень ясно видѣлъ своими собственными, а не чужими глазами цѣлыя улицы, при нихъ дома и даже башню, очень похожую на ту, которая находится подъ водою въ бакинской гавани. Нѣкоторые утверждаютъ, будто бы тутъ даже есть арабскія надписи, но Хаджи-баба клянется «вашей головой», что надписей никакихъ нѣтъ.

Покойный Аббасъ Кули Хановъ просилъ Главнокомандующаго Грузіей о розысканіи потопленныхъ остатковъ Шагри-юнана. По просьбѣ его два брига въ 1840 году на пути изъ Сары въ Астрахань обследовали прибрежное пространство, означенное Аббасъ Кули Хановымъ, и ничего не нашли.

Впрочемъ, все это нисколько не уничтожаетъ извѣстія о потопившемъ городѣ между Баку и Сальяномъ, тѣмъ болѣе, что и Г-ну Эйхвальду, во время плаванія его по Каспійскому морю, встрѣтилась около Апшерона подводная стѣна. Въ этихъ случаяхъ надобно различать два явленія: волканическое и... и... неизвѣстное. Первое опустило дно морское въ Бакинскомъ заливѣ, такъ что зданія, бывшія на сушѣ, очутились въ морѣ, и отъ материка отдѣлились острова Наргенъ и Вульфъ. Второе явленіе, причина котораго до сихъ поръ не понятна, замѣтно на всемъ морѣ, и въ слѣдствіе его уровень морской то повышается, то понижается, такъ что городъ Баку то стоитъ въ морѣ, то въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Въ мое время городская стѣна удалялась отъ моря большею частію сажени на четыре, а во время Бакуви море стояло высоко.

Острова Бакинскіе, къ числу которыхъ должно причислить и тѣ, которые находятся у Апшеронскаго полуострова, представляютъ много примѣчательнаго. Изъ нихъ островъ Наргенъ, находящійся при входѣ въ Бакинскій заливъ, соединялся прежде съ Шейховымъ мысомъ: по нему идутъ слѣды аробныхъ колесъ въ направленіи къ этому мысу, и глубина моря между островомъ Наргеномъ и материкомъ не очень значительна. На островѣ Жиломъ, лежащемъ въ 17 верстахъ къ в. отъ Апшерона, говорятъ, также есть слѣды арбъ и замѣтно потопленное строеніе: будто бы этотъ островъ служилъ притономъ С. Разина, отчего и получилъ названіе. Почва этого острова признается плодороднѣйшею въ бакинскомъ уѣздѣ: здѣсь растетъ дикая пшеница, овесъ и дикій виноградъ и видны слѣды запашекъ и садовъ, а на берегу находится щелочной минеральный ключъ. На Жиломъ островѣ предполагаютъ выстроить маякъ, но для большей безопасности плаванія необходимо имѣть маякъ и на Святомъ.

Кругъ моихъ познаній о Баку не ограничивается од-

нимъ городомъ: я могу кое-что сказать и объ уѣздѣ бакинскомъ. Доказательства на лицо, и прошу вниманія: дѣло идетъ все на цифрахъ.

Бакинскій уѣздъ занимаетъ холмистое, безводное пространство на берегу Каспійскаго моря: южные оконечности Кавказскихъ горъ черезъ Ширванъ врываются въ бакинскую провинцію и песчано-известковыми или глинистыми волнами стелются по ней, но не волнами оплодотворяющихъ рѣкъ. Въ цѣлой провинціи только одна рѣчка Сугаитъ, о которой въ порядочномъ путешествіи стыдно и поминать. Холмы совершенно безлѣсны; сухая почва проникнута солью и нефтью, отчего и самая вода большею частію солона, однако, съ помощію морской влажности, наносимой вѣтрами, въ бакинскомъ уѣздѣ иногда бываетъ удивительный урожай: Шамахинскія горы останавливаютъ, на пользу бакинской провинціи, несущіеся съ моря восточные вѣтры. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ въ бакинской провинціи было достаточно хлѣба: значительное количество привознаго хлѣба ясно говорить противное.

Недостатокъ воды очень ошутителенъ; жители рѣдко роютъ колодцы, а довольствуются большею частію солоноватой или дождевой, и только въ избранныхъ мѣстахъ имѣются родники прѣсной воды. Городъ Баку пользуется хорошою водою изъ шахскаго колодца, въ который проведена вода по подземному пути изъ родника за четыре версты отъ города, дурная же вода находится и въ другихъ городскихъ колодцахъ. Не разъ думали пособить этому горю введеніемъ артезіанскихъ колодцевъ, но господствующее мнѣніе въ Баку находитъ ихъ невозможными въ этой странѣ. На Апшеронскомъ полуостровѣ къ ю. отъ огней подозрѣваютъ подземный бассейнъ прѣсной воды: здѣсь находится много колодцевъ съ хорошей водой, и даже, когда пробьютъ каменный пластъ, прѣсная вода бьетъ вверхъ фонтаномъ.

Въ этомъ бассейнѣ замѣтно быстрое теченіе какъ въ рѣкѣ; ближе къ морю вода нѣсколько солона, но не чувствуется присутствія нефти. Если все это справедливо, то Апшеронскій полуостровъ можетъ быть наводненъ прѣсной водой.

Почва бакинскаго уѣзда обнаруживаетъ непрерывные слѣды вулканизма: это замѣтно по частымъ землетрясеніямъ и огненнымъ изверженіямъ, во многихъ мѣстахъ видны илистые поля, вулканы, извергающіе жидкую грязь, и настоящіе илистые вулканы или псевдо-вулканы, иногда же слышна подземная пустота. Присутствіе соли, обнаруживающееся соляными озерами, солоноватостью родниковъ и солоноватымъ вкусомъ многихъ растений, не препятствовало бы плодородію почвы, если бы въ бакинскомъ уѣздѣ нашлось довольно прѣсной воды для орошенія полей: доказательствомъ тому служитъ урожай пшеницы, иногда доходящій до 40.

Бакинская провинція извѣстна за здоровую по своему климату, жаркому и 'сухому: въ Августѣ, благополучномъ мѣсяцѣ пребыванія моего въ Баку, начинаются уже прохладные вечера, настоящая отрада души послѣ дневнаго зноя. Дожди бываютъ здѣсь рѣдко, за то иногда льетъ будто изъ ведра, хотя и на короткое время.

Земледѣліе въ бакинской провинціи находится въ хорошемъ состояніи: особенно оно усилилось въ послѣднее время, когда выгоды, доставляемыя хлѣбной торговлей, были признаны жителями. Недостатокъ воды въ бакинскомъ уѣздѣ не позволяетъ обширнаго хлѣбопашества, которое и здѣсь, по восточному обычаю, находится еще въ юности: поселяне не знаютъ никакихъ удобрительныхъ средствъ, кромѣ перепашки отъ двухъ до трехъ разъ и поднятія земнаго слоя вершка на три. При всемъ томъ урожай здѣшній, зависящій преимущественно отъ своевременнаго

перепаданія весеннихъ и осеннихъ дождей, большею частію щедро вознаграждаетъ трудъ земледѣльца: въ хорошій урожай зерно даетъ среднимъ числомъ самъ пятнадцать и болѣе. Рѣкъ и водопроводныхъ каналовъ для орошенія не имѣется, и при недостаткѣ дождей, сильныя вѣтры, дующіе здѣсь не рѣдко, могутъ истребить хлѣбъ, засыпавъ его, при самомъ всходѣ, пескомъ или вырвавъ съ корнемъ во время произрастанія или наконецъ выбивая зерно уже при наливаніи. Въ 1841 году, за обезпеченіемъ народнаго продовольствія, продано пшеницы, большею частію для казенныхъ поставокъ, до восьми тысячъ четвертей: полагая каждую четверть въ 2 руб. сер. вся продажа будетъ на шестнадцать тысячъ рублей. Ячменя, который большею частію идетъ на кормъ лошадей и скота, продается на сумму свыше двухъ тысячъ руб. сер. Сбѣютъ преимущественно пшеницу и ячмень.

Скотоводство въ бакинской провинціи, по неимѣнію луговъ, малозначительно: не всѣ поселяне имѣютъ лошадей и необходимое количество рогатаго скота для пахатныхъ работъ; у самаго богатаго крестьянина найдется не болѣе десяти головъ крупнаго скота. Тоже самое должно сказать и объ овцеводствѣ: хотя нѣкоторые крестьяне и держатъ по нѣскольку десятковъ овецъ, но этого не достаточно для продовольствія жителей, и недостатокъ пополняется покупкою овецъ въ сосѣдственныхъ уѣздахъ. Въ мое время скота въ городѣ и уѣздѣ было: лошадей 2602 штуки, рогатаго скота 5431, овецъ 38,200, верблюдовъ 504, ословъ 1747 штукъ. Домашней птицы, кромѣ куръ, не водится: для вкуснаго стола нѣтъ даже туземныхъ фазановъ, но водятся дикія козы; свѣжая коза продается по 1 рублю серебромъ, исключая рога, которые стоятъ столько же. За недостаткомъ полезныхъ животныхъ здѣсь водятся безвредные скорпіоны.

Песчаная полоса земли, занимаемая садоводствомъ, преимущественно по берегу моря, не очень благоприят-

ствуешь этой вѣтви хозяйства: только труды и издержки заставляютъ неблагодарную почву повиноваться волѣ чело-вѣка. Кромѣ того въ бакинской провинціи является иногда непобѣдимый и неожиданный врагъ садоводства — сильный вѣтеръ, заносящій пескомъ цѣлые сады и разомъ уничто-жающій труды многихъ лѣтъ. Ежегодный сборъ вино-града простирается до 75,000 пудовъ; изъ нихъ 10,000 пудовъ идетъ на продажу въ городѣ и селеніяхъ: пола-гая пудъ по 20 к. всего продается винограду на 2,000 руб. серебромъ; 5,000 пудовъ обращаются на сушеный изюмъ и кишмишъ, которыхъ изготовляется до 1,200 пу-довъ: полагая пудъ по 1 рублю, всего сушеного винограду продается на 1,200 рублей серебромъ; 45,000 идетъ на выварку джапы или виноградной патоки, которой выхо-дитъ изъ пуда восемь фунтовъ, слѣдовательно всего 9,000 пудовъ: полагая пудъ по 1 рублю, джапы выдѣлывается на 9,000 рублей серебромъ; 2,500 пудовъ употребляется на выдѣлку 1,000 ведеръ уксусу: полагая каждое ведро по 60 коп. всего уксусу получается на 600 рублей се-ребромъ. Изъ всѣхъ этихъ произведеній три четверти про-дается или обмѣнивается въ сосѣднихъ уѣздахъ, а осталь-ная четверть употребляется въ городѣ и деревняхъ. 12,000 пудовъ винограду идетъ на выкурку 500 ведеръ двойной водки, чѣмъ занимаются здѣсь Армяне: полагая ведро въ 4 рубли, всего водки выдѣлывается на 2,000 руб. сереб. Водка здѣсь продается въ духанахъ, и пока потребленіе ея незначительно, потому что большая часть народонасе-ленія состоитъ изъ вѣрующихъ мусульманъ. Кромѣ вод-ки выдѣлывается въ Баку вино, но оно очень крѣпко и возбуждаетъ жажду, потому что здѣшній виноградъ, отъ качества почвы, солоноватъ. Разныхъ сырыхъ плодовъ въ городъ Баку привозится до 500 пудовъ: полагая сред-нимъ числомъ 40 коп. за пудъ, всего привозится изъ уѣда фруктовъ на 200 рублей серебромъ. Грецкихъ орѣховъ и миндалю здѣсь нѣтъ. Садоводство ежегодно доставляетъ сельскимъ жителямъ до 15,000 рублей серебромъ.

Хотя цифры можетъ быть уже и наскучили благо-склонному читателю, однако я считаю нужнымъ доложить ему, что въ бакинскомъ уѣздѣ собирается до 250 пудовъ табаку: полагая пудъ по 1 рублю, выходитъ всего на 250 рублей серебромъ. Арбузовъ собирается 37,500 пудовъ.... какъ пудовъ? Да, пудовъ: здѣсь ужъ такое заведеніе! — полагая каждые 25 пудовъ по 1 рублю, всего составитъ сумма въ 1,500 рублей серебромъ. Дынь, которыми бакинскій уѣдъ славится, такъ, что онѣ идутъ во всѣ со-сѣднія мѣста, родится 40,000 пудовъ — дыни тоже родятъ-ся здѣсь пудами — полагая каждые 25 пудовъ по 3 рубли, всего родится здѣсь дынь на 4,800 рублей серебромъ. Лу-ку родится 5,000 пудовъ, моркови 3,750 пудовъ: полагая по 2 рубля за 25 пудъ, всего выходитъ на 700 рублей серебромъ. Такимъ образомъ огородничество доставляетъ бакинскимъ жителямъ до 7,250 рублей серебромъ.

При недостаткѣ мѣстныхъ средствъ бакинскіе жители не занимаются шелководствомъ: во всемъ уѣздѣ находитъ-ся только 38 шелковичныхъ деревьевъ и шелку выдѣлыва-ется ежегодно — стыдъ сказать — до 8 фунтовъ.

По скудости бакинской флоры, производящей только солончатая растенія или ничтожный кустарникъ, пчело-водство въ этомъ краю почти неизвѣстно. Нѣкоторые Ба-кинцы, изъ любви къ искусству и къ трудолюбивымъ на-сѣкомымъ, занимаются пчеловодствомъ въ кубинскомъ и шамахинскомъ уѣздахъ.

Рыбные промыслы въ бакинскомъ уѣздѣ даютъ го-сударственнымъ крестьянамъ до 1,125 руб. сереб. доходу.

Самый живительный элементъ Баку — торговля: она питается здѣсь преимущественно нефтью и шафраномъ и сама въ свою очередь питаетъ и поддерживаетъ многія производства.

Нефть находится въ бакинскомъ уѣздѣ черная и бѣлая. Первая является во многихъ мѣстахъ Апшеронскаго полуострова, но главное гнѣздо ея должно полагать около селенія Баляханъ къ с. в. отъ Баку на Апшеронскомъ полуострову; нѣкоторые отважные изслѣдователи предполагаютъ въ этомъ краю цѣлое подземное озеро минеральнаго масла: газъ, будто бы освобождаемый нефтью, давить на стѣнки резервуара и при засореніи отдушину производить изверженія и землетрясенія. Нефтяные ключи пробиваются по Каспійскому морю и обнаруживаются во множествѣ на восточныхъ берегахъ его, а съ другой стороны они находятся около крѣпости Грозной, Дербенда, Шамахи, Сальяна, въ кубинскомъ уѣздѣ и на берегахъ Чернаго моря. Черная нефть цвѣта темнозеленаго, запаха непріятнаго и бываетъ очень густа или нѣсколько жидковата: первая идетъ на смоленіе судовъ или въ соединеніи съ зеленовато-жидкой на горѣнія, а въ смѣси съ пескомъ на покрытіе плоскихъ кровель на домахъ подъ именемъ «кира» смолы, отъ которой образовано бухарское слово «кирпичъ» стиснутая смола; вторая преимущественно употребляется для горѣнія.

Бѣлая нефть, отличающаяся своимъ цвѣтомъ и запахомъ, большею жидковатостью и летучестью, находится только въ с. з. оконечности эллипсиса, занимаемаго неугасимыми огнями. По мнѣнію Г-на Ленца, она образуется изъ черной посредствомъ подземнаго дистиллированія. Прежде бѣлая нефть продавалась здѣсь очищенная; ей можно выводить пятна изъ сукна.

Нефть добывается изъ колодцевъ воротомъ и руками посредствомъ кожаныхъ мѣшковъ и отстаивается въ ямахъ. Живущіе около нефтяныхъ колодцевъ жители освобождены отъ податей, но обязаны работами на промыслахъ. Ежедневно ходитъ въ Баку два транспорта съ нефтяныхъ колодцевъ.

Прежде нефтяной промыселъ находился на откупѣ, нефть продавалась дешевле, но откупщики Армяне обанкротились и въ настоящее время вся нефтяная продажа принадлежитъ казнѣ.

Нефтяные колодцы принадлежатъ большею частію казнѣ, а весьма немногіе частнымъ владѣльцамъ Селимъ Хановымъ: послѣдніе обязаны доставлять всю добываемую нефть казнѣ. Хальваръ обходится владѣльцу въ 27 коп. сер. казна платитъ ему 375 коп. сер., а сама продаетъ по семи рублей серебромъ. Покупщики изъ Шамахи и другихъ мѣстъ Кавказа готовы платить и по десяти рублей за хальваръ зеленой нефти, потому что она при переливкѣ изъ одного бурдюка въ другой пѣнится и увеличивается; моремъ же нефть идетъ въ Астрахань и въ Персію. Въ Зензели нефть продается отъ 10 до 15 руб. сер. хальваръ и торгъ здѣсь производится мѣнковой: взаимнѣ нефть привозится изъ Зензели бязь, шелковыя матеріи и проч. Сами Персіане не ѣздятъ въ Баку за нефтью.

Жители селенія Баляханѣ доставляютъ на арбахъ казенную нефть въ Баку и получаютъ за это по 45 коп. сер. съ хальвара: всего въ годъ имъ приходится до 5,165 рублей серебромъ. Кромѣ того они продаютъ въ городъ и по деревнямъ значительное количество киру, а жители селенія Сураханѣ занимаются жженіемъ извести: въ сложности тѣ и другіе получаютъ отъ этой промышленности до 2,000 руб. серебромъ.

Когда-то нефть была очень опаснымъ оружіемъ за неимѣніемъ пороху. По словамъ Діона Кассія, Римляне, осаждавшіе Тиграноцертъ подъ предводительствомъ Лукулла, были обливаемы изъ машинъ горящей нефтью; то же самое было съ войсками Императора Септимія Севера при осадѣ Гатры. Прокопій говоритъ, что Персы, осажденные Римлянами въ городѣ Петрѣ въ Лазикѣ, бросали на осаж-

дающихъ сосуды съ сѣрой, асфальтомъ и нефтью. При осадѣ Мекки во время Абдуллы бенъ Зобайра атакующіе зажгли Каабу сосудами съ нефтью. По извѣстію Мирхонда, въ одномъ сраженіи съ Буидами бросали въ непріяеля сосуды съ пылающей нефтью.

Добываніе нефти въ бакинскомъ уѣздѣ довольно древне: не говоря объ указаніи Дербендіады о нефтяномъ промыслѣ при Халифѣ Мотамедѣ, мнѣ говорили, что въ одномъ изъ колодцевъ былъ найденъ камень съ надписью на арабскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія «нѣтъ силы и могущества кромѣ Бога Высочайшаго и Величайшаго! Точно этотъ колодецъ открытъ и назначенъ во владѣніе для Сеидовъ Аллахъ-яромъ сыномъ Мухаммедъ-Нура, въ 1003 году мѣсяца Реби Эль Ахира». Это было по нашему въ 1594 — 1595 году.

Кромѣ нефти минеральное богатство въ бакинскомъ уѣздѣ составляютъ соляныя озера Апшеронскаго полуострова, изъ которыхъ примѣчательны: Масазырское, Зыхское, Каля, Мухаммеди, Баляханское, Хаджихасанское, Кюрдаханское, Бинагяди, Арюскупъ и Агаджунъ; разрабатываются только два первыя. Жители сосѣднихъ селеній получаютъ за перевозку соли, которая, подобно нефти, составляетъ казенную собственность, до 1,513 рублей серебромъ. Разработка соли производится по найму, который простирается до 3,000 рублей серебромъ.

Торговля нефтью и солью съ Персіей въ послѣднее время упала.

Шафрану собирается ежегодно до 400 пудовъ; полагая за пудъ шафрану по 100 рублей, получается всего на 40,000 рублей серебромъ. Это растеніе вывозится преимущественно въ Персію, часть расходится по Закавказью, а немного остается для домашняго обихода. Вывозъ въ Персію бываетъ не равномеренъ, но всегда выгоденъ.

Бакинскіе жители разводятъ марену и сѣютъ хлопчатую бумагу: первой получается до 700 пудовъ, а послѣдней не болѣе 500; полагая каждый пудъ той и другой по 3 рубля, всего будетъ на 3,600 рублей серебромъ. Изъ хлопчатой бумаги выдѣлываютъ толстое полотно, называемое бязью, большая часть котораго потребляется туземными поселянами, а излишекъ вывозится въ кубинскій уѣздъ.

Кромѣ того Бакинцы собираютъ закупаемаго въ поляхъ прянаго растенія, называемаго зира, родъ аниса, до 21 четверти: полагая каждую четверть по 4 руб. всего на 84 руб. сер. Марена и зира отправляются въ Россію.

Горожане бакинскіе занимаются мастерствами: золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, слесарнымъ, кузнечнымъ и другими нужными для жизненнаго комфорта. Бакинскія золотыя кольца подъ эмалью, по своей довольно чистой отдѣлкѣ, соперничаютъ съ пятигорскими работами: восточная эмаль не держится и скоро облетаетъ, на этомъ ужъ не взыщите, и по-этому, покупая подобное издѣліе, имѣйте въ виду мое предостереженіе. Бакинскіе слесари большею частію работаютъ складные ножи, вывозимые въ Персію. Ремесленное производство обезпечиваетъ въ городѣ содержаніе двухсотъ семействъ съ уплатою казенныхъ повинностей.

Деревенскіе жители ткутъ падасы (простые ковры) и переметные сумы и продаютъ ихъ на 1,700 руб. сереб.; также ткутъ грубое сукно для домашняго употребленія. Въ селеніяхъ Амирджанъ и Бульбули женщины ткутъ ковры, отличающіеся прочностью и яркостью красокъ: лучшіе продаются по 20—30 рублей, всего на 1,500 руб. серебромъ. Въ селеніяхъ Хурдаланъ и Хаджихасанъ ткутъ чувалы, восточные чемоданы, продаваемые по 5—6 руб. за пару, всего на 700 руб. серебромъ.

Торговля Баку съ Россіей и Персіей по морю и съ Закавказьемъ и Дагестаномъ по сухопутью требуютъ пере-

возныхъ средствъ и рукъ. По-этому многіе бакинскіе жители промышляютъ строеніемъ судовъ, перевозомъ товаровъ на суши и служатъ рабочими на судахъ.

Общій доходъ бакинскихъ жителей, не считая ремесленныхъ производства и всякую насущную работу, состоитъ въ слѣдующемъ :

Отъ сбыта туземныхъ произрастеній и издѣлій сельскихъ жителей на мѣстѣ выручается 48,350 руб. сер.

Отъ заработковъ по казеннымъ минеральнымъ промысламъ получается 9,678 руб. сер.

Отъ сбыта въ сосѣдніе уѣзды разнаго издѣлія и произрастенія выручается 18,484 руб. сер.

Пересчитавъ по пальцамъ всѣ животы бакинскихъ жителей, пора сказать что-нибудь и о самихъ обитателяхъ.

Бакинская провинція населена мусульманами большею частію шіитскаго обряда : только шесть деревень бакинскихъ заняты тюркскимъ племенемъ ; всѣ остальные селенія обитаются Персіянами. Въ городѣ, кромѣ Русскихъ служащихъ, находится до двухсотъ армянскихъ домовъ. Можно полагать, что еще при Сассанидахъ сюда переселялись Персы, но отъ этого переселенія едва-ли что упѣлѣло : все омусульманилось и измѣнило свой характеръ. Въ позднѣйшее время Персіяне не переставали переходить въ Баку, и на оборотъ изъ Баку нѣкоторые уходили въ Персію. Все персидское народонаселеніе Баку, кромѣ тюркскаго азербайджанскаго діалекта, говоритъ особеннымъ персидскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ и въ другихъ мѣстахъ Дагестана — татскимъ. Основываясь на этомъ, покойный Аббасъ Кули Хановъ полагалъ Бакинцевъ остатками персидскаго населенія временъ Нуширвана, но тат-

ское нарѣчіе совсѣмъ не такъ древне, какъ думалъ Аббасъ Кули, принимавшій его за отрасль Пеглеви. Татъ имѣетъ почти тѣ же отношенія къ нынѣшнему персидскому языку, какія и деревенское персидское нарѣчіе, или, поясняя это сравненіемъ, отношенія персидскаго и Татъ почти таковы же, какъ Русскаго языка и сибирскаго нарѣчія. Удаленность отъ Персіи и невѣжественность деревенскихъ мужиковъ были единственными причинами образованія Татъ, грамматическія формы котораго разнятся отъ персидскаго языка только бѣдностью и уродованіемъ выговора, а лексикографія замѣнила нѣкоторыя персидскія слова тюркскими или туземными.

Мнѣ говорили еще объ арабскомъ народонаселеніи верстахъ въ 150 отъ Баку, но я рѣшительно этому не вѣрю.

Бакинскіе мусульмане занимаются по большей части торговлей и считаются по всей справедливости цивилизованѣйшимъ народонаселеніемъ Дагестана: народъ бакинскій смиренъ и привѣтливъ, но такъ какъ Персія составляетъ для него идеалъ совершенства, предметъ подражанія, то Бакинцы и одержимы почти всѣми пороками персидской націи. Описывать бакинскіе нравы и привычки значитъ — повторять Персію: лучше подождемъ втораго тома «Путешествія по Востоку», гдѣ ужъ будетъ кстати анализировать персидскую жизнь.

Какъ ревностные Шіиты, Бакинцы справляютъ съ надлежащимъ благоговѣніемъ десять дней «ашура» плача по Али и его сыновьяхъ: религіозная трагедія персидская разыгрывается здѣсь если не съ такимъ искусствомъ, какъ въ Дербендѣ, то съ не меньшимъ жаромъ. Какъ-то случилось, что Шіиты, во время разыгрыванія своей мистеріи въ Форштатѣ, слишкомъ предались религіозной ревности: партія, представлявшая приверженцевъ Али, горячо напала на отрядъ Шіитовъ, занимавшій роль послѣдователей

Омара, и тутъ началась настоящая трагедія: раздражительные фанатики приняли другъ друга въ палки, и для восстановленія порядка уѣздный начальникъ принужденъ былъ сѣсть на лошадь, приготовленную для «его свято-сти» Хюсейна, и распорядиться необходимымъ увѣщаніемъ религіозныхъ бойцовъ. Это, однако, нисколько не помѣшало дальнѣйшему ходу мистеріи. Въ Шамахъ для восстановленія спокойствія должны были выслать роту солдатъ. Въ Дербендѣ эти мистеріи называются «ва Хасанъ ва Хюсейнъ» ой Хасанъ ой Хюсейнъ! въ Баку «ва Хасанъ ва Шахъ Хюсейнъ: Русскіе называютъ просто: «Хусей Чуксей», восклицанія, обыкновенно употребляемыя плакальщицами по покойникѣ.

Мистерія «ой Хасанъ ой Хюсейнъ» мнѣ очень хорошо извѣстна, но я не описываю ея здѣсь потому, что мнѣ удалось ее видѣть въ полномъ величіи въ Тегеранѣ.

Между бакинскими мусульманами существуютъ нѣкоторыя повѣрья, неизвѣстныя въ Персіи. Напримѣръ, когда на бакинскихъ поляхъ являются стада мышей, истребительницъ посѣва, Ахунды бакинскіе отправляются въ Ленкоранъ и берутъ тамъ какого-то дерева: изъ него дѣлаются небольшія воротца, ставятся на берегу моря и мыши, будто «по моему прошенью, по шучьему велѣнью», отправляются всѣ гурьбой въ соляную бездну. Впрочемъ, если въ Европѣ макаassarское масло можетъ производить удивительную растительность на лысыхъ головахъ, то почему же безимянному дереву не имѣть въ Баку таинственнаго вліянія на мышей?...

Армянское народонаселеніе нынѣ сосредотивается въ городѣ, а прежде многія деревни были населены Армянами; во время персидскаго владычества угнетаемые Армяне покинули свои жилища, и теперь эти деревни или заняты Мусульманами или занесены пескомъ. Примѣромъ первыхъ

служить деревня Бузонья, гдѣ находятся могилы армянскихъ святыхъ Іліи и Андрея, нынѣ обитаемая мусульманами.

Содержаніе въ Баку не дорого, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, преимущественно топлива; колоніальныя припасы идутъ изъ Россіи; говядину на рынкѣ можно найти только по воскресеньямъ.

Городъ Баку представляетъ много предметовъ, достойныхъ полного и глубокаго вниманія туристовъ всѣхъ родовъ, но безъ всякаго сомнѣнія, неугасимые огни — явленіе единственное въ своемъ родѣ, преимущественно привлекаютъ къ себѣ взоры путешественника. Едва успѣли вы пріѣхать или приплыть, если вы находите это болѣе удобнымъ, въ Баку, какъ со всѣхъ сторонъ посыплются на васъ вопросы и увѣщанія: «были ли вы на неугасимыхъ огняхъ? да скоро-ли вы поѣдете? да это лучшая вещь въ нашемъ городѣ! Есть, правда, у насъ шахскій дворецъ и еще что-то, да это все пустяки!» И въ этотъ же вечеръ, если погода ясная, вамъ представляется огромное освѣщеніе на горизонтѣ, похожее на зарево отдаленнаго пожара; услужливый бакинскій вашъ знакомый, тотъ самый, который считаетъ себя изгнаннымъ дон-каристомъ, тотчасъ же скажетъ вамъ: «вотъ наши неугасимые огни!»

По долгу путешественника и не желая подвергаться нареканіямъ бакинскихъ жителей, я отправился на «Атешахъ» мѣсто огней вскорѣ послѣ пріѣзда, не смотря на то, что оставалось еще много занимательныхъ предметовъ въ городѣ неизслѣдованными. Дорога не дальняя, всего верстъ тринадцать: можно совершить путешествіе съ комфортомъ или безъ излишнихъ претензій. Для путешествующихъ съ комфортомъ найдутся въ городѣ пролетки или даже и коляска; для неприхотливыхъ путешествен-

никовъ имѣются почтовые телѣжки, доведенныя здѣсь до minimum и неутомимыя верховыя лошади. Послѣднія всего удобнѣе.

Желая исполнѣь предаться сильнымъ ощущеніямъ и видѣть неугасимыя огни въ совершенномъ ихъ величіи, я выѣхалъ изъ Баку вечеромъ въ девять часовъ на почтовой телѣжкѣ. Благодаря распоряженію бакинскаго коменданта Г. Коржинскаго, мнѣ отпущенъ былъ въ провожатые казакъ, потому что ввѣрять себя опытности здѣшнихъ татарскихъ ямщиковъ по проселочнымъ дорогамъ и ночью не совсѣмъ благоразумно: можно извѣдать на опытъ блестящее паденіе.

Я собственно отправлялся на большіе или старые огни, находящіеся къ в. с. в. отъ Баку между деревнями Сураханэ и Амирджанъ; это предупрежденіе необходимо, потому что кромѣ большихъ огней существуютъ еще малые къ з. отъ Баку верстахъ въ восемнадцати. Первые по справедливости называются неугасимыми огнями: ни вѣтеръ, ни дождь, ни буря не могутъ ихъ утушить, послѣдніе же — увы! — гаснуть и отъ дождя и отъ снѣгу.

Дорога къ огнямъ каменистая, узкая, очень дурная; на пути встрѣчаются двѣ мусульманскія деревни: первая называемая Кешле, съ весьма обыкновенной мечетью, вторая называемая Сураханэ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Не смотря на дурную почву въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растетъ хлопчатая бумага.

Свѣтъ, постепенно увеличивающійся, наконецъ раскрылся передо мною съ холма не въ дальнемъ разстояніи отъ огней: ночью во мракѣ видъ чрезвычайно живописенъ. Картина является послѣдовательно: сначала видны только пять огненныхъ потоковъ изъ высокихъ трубъ индусскаго жилища, какъ будто бы летающіе по воздуху,

а уже вблизи становится замѣтно индусское зданіе и показываются остальные огни, выходящіе изъ земли и предоставленные собственному произволу. Огненные струи бѣловато-желтаго свѣта выются по направленію вѣтра и представляютъ фантастическіе образы, безпрестанно замѣняющіеся другими; по временамъ огненный ручей, унесенный порывомъ вѣтра, исчезаетъ, чтобъ снова явиться и больше и блистательнѣе. При заревѣ огней рисуется въ неопредѣленныхъ размѣрахъ индусское зданіе съ потоками пламени, развѣвающимися подобно огненнымъ знаменамъ изъ нарочно устроенныхъ трубъ. Если бъ я не зналъ самымъ достовѣрнымъ образомъ отъ бакинскихъ жителей, что я нахожусь на неугасимыхъ огняхъ, я навѣрно подумалъ бы, что ямщикъ со сна или околдованный привезъ меня въ замокъ огненныхъ духовъ: такъ все здѣсь чудно! Не удивительно, что воображеніе восточныхъ народовъ, пораженное красотою и величіемъ этого зрѣлища, придало огнямъ таинственную силу и сверхъестественное значеніе.

Огненные истоки разсѣяны по обѣимъ сторонамъ дороги, въ недалекомъ одинъ отъ другаго разстояніи: при мнѣ ихъ было съ одной стороны четырнадцать, а съ другой восемь. Жерло, изъ котораго выходитъ каждый огонь, заложено мелкими камнями, и пламя пробивается сквозь нихъ на высотѣ одной или двухъ четвертей. Въ сѣверо-западной сторонѣ находится довольно глубокій сухой колодезь, для безопасности обведенный высокою оградой: говорятъ, прежде, когда не существовало загородки, въ него падали иногда домашнія животныя, и, разумѣется, погибали. На днѣ этого кратера, оканчивающагося внизу подземельемъ, бѣгаютъ разноцвѣтные огоньки, но въ самомъ подземельѣ огонь, по-видимому, сильнѣе, обильнѣе и имѣетъ красноватый цвѣтъ. Ночью этотъ кратеръ съ своими голубыми огнями, пылающимъ воздухомъ и таинственнымъ подземельемъ приковываетъ къ себѣ вниманіе и неохотно оставляешь опасную его ограду.

Отъ огней я спѣшилъ въ жилище Индусовъ, составлявшихъ главную цѣль моей поѣздки. Здѣсь я долженъ былъ рассмотреть вопросъ о вѣрованіи этихъ отшельниковъ, съ непонятнымъ для насъ упорствомъ посвятившихъ жизнь свою таинственному обожанію огня: остатокъ-ли это персидскихъ огнепоклонниковъ Гебровъ, подавленныхъ завоевательнымъ Исламомъ и принесшихъ сюда остатки своей религіи, или это Индусы, пришедшіе съ береговъ Ганга за тѣмъ, чтобъ провести здѣсь жизнь въ бесплодныхъ созерцаніяхъ передъ уважаемымъ началомъ огня.

Было уже поздно, почти полночь, и по-этому ученія изслѣдованія приходилось отложить до разсвѣта. Въ ожиданіи интересной бесѣды съ огненными мудрецами, надобно провести ночь, какъ возможно пріятнѣе, поближе къ священному огню: нѣтъ ничего лучше, какъ ночевать въ самомъ зданіи, гдѣ помѣщаются Индусы. Это чисто персидскій караванъ-сарай; если вы никогда не видали подобнаго рода зданій, то, при видѣ жилища здѣшнихъ Индусовъ, конечно, воображеніе ваше долго будетъ страдать надъ разрѣшеніемъ вопроса: какой архитектурѣ принадлежитъ эта постройка? Подобно всѣмъ персидскимъ караванъ-сараямъ, обиталище Индусовъ состоитъ изъ двора, обведеннаго со всѣхъ сторонъ рядомъ небольшихъ комнатъ, двери которыхъ обращены на дворъ, и снаружи зданія представляются однѣ голыя стѣны. Окна въ постройкахъ такого рода считаются совершенно неприличною роскошью. Входъ на дворъ въ караванъ-сараяхъ, какъ и здѣсь, одинъ, посрединѣ которой-нибудь стороны: надъ входомъ строится еще этажъ и называютъ это «баля-ханэ» верхъ дома.

Большихъ усилій стояло мнѣ отвлечь отъ размышленій котораго-нибудь изъ мудрецовъ, чтобъ попасть внутрь строенія на ночлегъ. Наконецъ какой-то старецъ, окутанный въ одѣяло, молчаливо отперъ мнѣ ворота, погрѣлся

немного у священнаго огня и вскорѣ скрылся. Не желая никого беспокоить запоздалымъ любопытствомъ, я отправился прямо въ башню или баля-ханэ надъ входомъ, въ маленькія комнаты, предназначенныя для любознательныхъ путешественниковъ, и для этой цѣли снабженныя окнами съ европейскою прихотью — рамами безъ стеколъ. Помѣщеніе довольно пріятное и удобное: прямо передъ глазами находится дворъ караванъ-сарая съ кельями и неугасимые огни. Вихрь, постоянно господствующій около огней, съ страшнымъ шумомъ летаетъ вокругъ баля-ханэ и грозитъ раскидать все зданіе по камню, какъ будто самая яростная осенняя буря стучитъ за окномъ. Этотъ ураганъ и живописная игра огней заставили меня бодрствовать далеко за полночь. Уже сонъ началъ смыкать глаза мои, какъ вдругъ грозное видѣніе на дворѣ вывело меня изъ дремоты; дверь одной изъ келій отворилась, и высокое, сухое, уродливое привидѣніе, похожее на мертвеца, медленно подошло къ одному изъ священныхъ огней, присѣло на корточки и стало грѣться. Всего непріятнѣе было то, что это живое созданіе прогуливалось совершенно безъ платья: изсохшія формы являлись во всей своей отвратительности. Долго я смотрѣлъ на этого мудреца, можетъ быть непрерывнымъ созерцаніемъ дошедшаго до начала началъ; наконецъ, утомленный, я склонился на скамью и проснулся уже на другой день. Первый взглядъ на дворъ, но привидѣніе исчезло: кругомъ пусто и двери келій затворены.

Я спустился внизъ и приступилъ къ обозрѣнію зданія.

Индусское обиталище составляетъ правильный пятиугольникъ, къ высокимъ стѣнамъ котораго примыкаютъ кельи: вышина стѣнъ до 3 сажень, а окружность всего зданія до семидесяти сажень. Во времена Гмелина существовали здѣсь отдѣльныя кельи, и все зданіе построено въ новѣйшее время по образцу караванъ-сарая; надъ

воротами входа съ наружной стороны находится розетка, а по бокамъ ея два льва, всѣ три фигуры грубой работы, вольное подражаніе шамахинскимъ воротамъ въ Баку, надъ которыми находятся грубыя изображенія бычачьей головы и двухъ розеттъ, а по сторонамъ фигуры двухъ львовъ, что въ свою очередь составляетъ вольное подражаніе Ирану. Баля-ханэ или башня надъ воротами караванъ-сарая имѣетъ немножко затѣйливую архитектуру: нельзя же было поставить подлѣ удивительныхъ огней обыкновенное строеніе. По срединѣ внутренняго двора стоитъ четвероугольная моельня съ открытыми со всѣхъ сторонъ входами, а по угламъ ея выведены трубы, изъ которыхъ выются неугасимые огни. Кромѣ того въ самой моельнѣ виситъ колокольчикъ для богослуженія, которое едва-ли когда-нибудь совершается, и течетъ, по-видимому, самая священная струя, потому что при зажженіи ея Индусы звонятъ въ колокольчикъ. Архитектура моельни довольно проста: верхъ накрытъ небольшимъ безобразнымъ куполомъ, у котораго стоитъ трезубецъ; надъ входомъ въ часовню, противоположнымъ баля-ханэ, находится санскритская надпись, извѣщающая тѣхъ, которые умѣютъ читать эту мудреную грамоту, что зданіе построено въ 1866 индусской эры или въ 1810 году по нашему: къ этому же времени должно отнести постройку всего зданія. Близъ моельни вырыта яма, величиною въ квадратную сажень, а глубиною въ полсажени, покрытая толстымъ камнемъ и содержащая всегда въ чистотѣ для священнаго обряда: на камень Индусы кладутъ своихъ покойниковъ и сожигаютъ неугасимымъ огнемъ. Кромѣ моельни на дворѣ сложено пять возвышенностей для огней, а для продовольствія обитателей устроенъ колодезь съ водой; кругомъ двора идутъ кельи числомъ до двадцати. Надъ дверьми каждой находится по санскритской надписи, дурное начертаніе которыхъ заставило меня отказаться отъ копирования ихъ, а надъ входомъ одной видно изуродованное персидское имя съ 1158 (1745) годомъ: это указаніе да-

есть поводъ думать, что прежнія кельи Индусовъ вошли при стройкѣ въ корпусъ новаго жилища. Бѣдное засохшее деревцо, символъ жизни индѣйскихъ отшельниковъ, прозябаетъ одиноко въ уголку двора.

Окончивъ обзоръ зданія, я приступилъ къ знакомству съ его жителями. Большая половина келій необитаема; у остальныхъ двери были уже отворены. Какъ видно кельи не одинаковой величины и не одинаковаго расположенія, но всѣ онѣ, какъ и цѣлое зданіе, выбѣлены внутри и снаружи и содержатся въ большой чистотѣ, а для домашней кухни проведены вездѣ струи газа, впрочемъ, едва-ли не безполезныя для Индусовъ, которымъ нечего на нихъ готовить. Отъ одного большаго и дряхлаго Индуса въ рубищѣ, давшаго мнѣ своимъ плачемъ очень дурное понятіе объ остальныхъ отшельникахъ и не умѣвшаго объясняться ни на одномъ языкѣ, кромѣ индустані, я отдѣлался посильнымъ пожертвованіемъ, чего собственно онъ и желалъ, потому что тотчасъ послѣ этого скрылся въ свою келью. Заглянувъ въ сосѣднюю дверь, я увидѣлъ мое ночное привидѣніе въ томъ же натуральномъ костюмѣ, въ какомъ видѣлъ его ночью или лучше безъ всякаго костюма; мудрѣйшій изъ мудрыхъ лежалъ равнодушно на толченой извести, выбѣлившись съ ногъ до головы въ матеріалѣ своего ложа. Этотъ старикъ давно уже сдѣлалъ съ собою добровольно то самое, что дѣлаютъ въ Верхнемъ Египтѣ коптскіе священники съ мальчиками, назначаемыми для охраненія гаремовъ: короче у мудрѣйшаго изъ мудрыхъ... но Г-нъ Эйхвальдъ еще задолго до меня объявилъ о томъ, чего не доставало у этого Индуса. Не надѣясь получить отъ него объясненій и не желая прерывать его размышленія, я отправился къ другому Индусу, который кое-какъ объяснилъ мнѣ, что мудрѣйшій изъ мудрыхъ не знаетъ ни по-турецки, ни по-персидски. И въ самомъ дѣлѣ погруженному въ созерцаніе «я» и «не я» кчему знать разной вздоръ?

Мой новый знакомецъ, по-видимому, далеко отсталъ отъ своихъ товарищей въ наукѣ мудрости: если на немъ и не было рубашки, то ее съ честію замѣнялъ ватированный бухарскій халатъ, а на головѣ, въ видѣ чалмы, былъ намотанъ кусокъ толстаго холста. Индусскій отшельникъ пригласилъ меня къ себѣ въ келью: комната чистая, для созерцанія есть что-то въ родѣ постели и даже для бѣдной головы существуетъ подушка. Въ домашнемъ хозяйствѣ видно нѣсколько мѣдной посуды, а для поклоненія стоитъ на возвышеніи коллекція маленькихъ идоловъ, и въ дополненіе нѣсколько разноцвѣтныхъ камней. Идолы разнаго роста и фигуры, но всѣ вообще не велики и принадлежать брахманской религіи, числомъ ихъ восемь. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ истуканъ «Парвати» Горной или «Бхавани» Сушпей, дочери и супруги Шивы: она олицетворяетъ луну и имѣетъ значеніе всемірнаго произведенія, а также богини разрушенія и мщенія; подъ именемъ Кали (черной) она обожается чудовищной сектой «Туговъ» душителей. Эту страшную богиню не трудно узнать по восьми вооруженнымъ рукамъ и по коровѣ, на которой она возсѣдаетъ. Въ числѣ идоловъ находится еще «Кама» индусскій купидонъ: впрочемъ, этотъ идолъ болѣе походилъ на греческаго купидона и отличался чистотой отдѣлки отъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Эту подозрительную компанію греческаго божка съ индусскими объяснили мнѣ въ Баку очень просто: индѣйскіе мудрецы для большаго эффекта собираютъ отовсюду всѣ возможныя рѣдкости и даже между религіозными предметами помѣщаютъ иногда обертки съ игорныхъ картъ, съ табаку и проч.

Въ комнатѣ устроено два провода для огня, которые отшельникъ тотчасъ же зажегъ для моего удовольствія, безъ всякой просьбы съ моей стороны: такъ какъ газъ загорается только отъ пламени, то Индусъ зажегъ лоскутъ бумажной матеріи, откупорилъ отверстія въ землѣ, под-

несъ къ нимъ горящій доскутокъ, и газъ вспыхнулъ бѣловатымъ пламенемъ. Изъ моихъ многочисленныхъ вопросовъ Индусъ понялъ наконецъ, что я желаю, подобно всѣмъ бывшимъ до меня здѣсь европейскимъ посѣтителемъ, познакомиться съ религіей почтенныхъ отшельниковъ; лѣниво взялъ онъ одну изъ лежащихъ на возвышеніи раковинъ, потрубилъ въ нее, потомъ позвонилъ въ колокольчикъ, и болѣе ничего не могъ я отъ него добиться. Мимическая бесѣда наша кончилась тѣмъ, что хозяинъ мой поднесъ мнѣ въ другой раковинѣ — у него ихъ всего двѣ — воды для утоленія жажды и потомъ напомнилъ о правахъ восточнаго гостепріимства, обыкновенно вознаграждаемаго «бахшишемъ» подаркомъ со стороны гостя. Прекрасное гостепріимство, которое большею частью стоитъ очень дорого!

Утомленный безплоднымъ наблюденіемъ надъ индусскими отшельниками, я оставилъ зданіе и отправился обозрѣвать окрестности. Къ сѣверу отъ жилища Индусовъ, въ недалекомъ разстояніи, на полѣ находится кладбище ихъ: могилъ не много и надъ каждой видѣнъ знакъ въ родѣ завязаннаго узла. Надъ одной стоитъ простой памятникъ: внутри на гладкой землѣ лежитъ какой-то комокъ. Подлѣ кладбища Индусовъ находится колодезь, глубиной сажени четыре, прикрытый камнями: на днѣ его видна чистая вода, впрочемъ, имѣющая нефтяный запахъ, а наверху чувствуется теченіе газовъ. Сопровождавшій меня Индусъ тотчасъ же показалъ опытъ, новаторемъ для забавы каждаго путешественника: онъ закрылъ колодезь на нѣсколько минутъ паласомъ, отчего выходъ газа наружу прекратился; потомъ онъ быстро открылъ отверстіе и бросилъ внутрь пукъ зажженной соломѣ. Газъ, перемѣшавшійся съ атмосферическимъ воздухомъ, мгновенно вспыхнулъ, и раздался выстрѣлъ похожій на залпъ изъ нѣсколькихъ орудій. Въ другомъ колодезѣ этотъ опытъ не удастся. Какъ-то одинъ Индусъ, не знавшій такого страшнаго свойства здѣшняго газа или забывшій о немъ,

поднялъ неосторожно въ своей кельѣ лоскутокъ съ огнемъ высоко: тотчасъ же газъ, скопившійся подъ потолкомъ, вспыхнулъ и келья полетѣла на воздухъ.

Обойдя еще разъ обиталище Индусовъ, я нашелъ, что мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, благодаря неславоохотливости индусскихъ отшельниковъ.

Неугасимые огни занимаютъ эллиптическое пространство, главная ось котораго направляется отъ с. з. къ ю. в. обиталище Индусовъ находится въ сѣверо-западной сторонѣ этого эллипсиса. Главный огонь, горящій на дворѣ зданія, выходитъ изъ трещинъ известковаго камня, края которыхъ синеваты. Трубы моельни имѣютъ высоты до $3\frac{1}{2}$ сажень и кромѣ четырехъ есть еще пятая большая труба въ задней части караванъ-сарая: высота исходящаго изъ нихъ пламени днемъ два фута, а ночью три, и свѣтъ такъ силенъ, что ночью на разстояніи одной версты можно читать. При входѣ на дворъ зданія чувствуется довольно сильный жаръ и запахъ, подобный тому, когда спиртъ горитъ огнемъ. Хотя дыму и незамѣтно при горѣніи, однако закоптѣлые потолки индусскихъ келій свидѣтельству о непримѣтномъ образованіи дыма при горѣніи.

По изслѣдованіямъ Г-на Ленца, пылающій здѣсь газъ есть ничто иное, какъ углеводородъ. Хотя Г-нъ Эйхвальдъ и думалъ, что этого газа нельзя перевозить въ бутылкахъ, однако опытъ Г-на Ленца доказалъ противное, и даже мнѣ говорили въ Баку, что этотъ газъ можно возить съ собою, зажигать и тушить по произволу. Безъ горѣнія температура газа почти обыкновенная, т. е. 12° , а при горѣніи жаръ довольно силенъ, такъ что жители Сурахана пользуются газомъ для обжиганія извести. Подземный процессъ образованія этого газа неизвѣстенъ физикамъ, но очевидно онъ имѣетъ сродство съ псевдовулканами бакинскими: малые огни отличаются отъ большихъ

запахомъ нефти, котораго въ послѣднихъ совѣтѣхъ не замѣтно, а въ одномъ изъ огней около Баку Г-нъ Ленцъ открылъ запахъ сѣры. При южномъ вѣтрѣ огни горятъ сильнѣе, также какъ и теченіе нефти въ колодцахъ бываетъ обильнѣе, но при сѣверномъ вѣтрѣ горѣніе слабѣе.

Апшеронскій полуостровъ составляетъ единственное хранилище горючаго газа въ большихъ размѣрахъ: незначительные истоки его находятся въ Кангрѣ въ Индустанѣ, на горѣ Сибіо въ Моденѣ, на горѣ Fuoco di legno въ Тосканѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китая; кромѣ того газовые огни назадъ тому нѣсколько лѣтъ горѣли по временамъ около селенія Ценга въ верхнемъ Ширванѣ, и даже въ Астрахани подобное явленіе обнаружилось однажды при рытіи артезіанскаго колодца. Въ настоящее время трудно рѣшить вопросъ: воспламенились-ли бакинскіе огни сами собою отъ подземнаго изверженія или ихъ кто-нибудь зажегъ. Древніе писатели: Геродотъ, Плиній, Птоломей, Амміанъ Марцелинъ и другіе не говорятъ о бакинскихъ неугасимыхъ огняхъ. Первый упоминаетъ о нихъ, сколько извѣстно донинѣ, Мас'уди: «близъ Бакія или Бабика (Баку) существуетъ, въ странѣ богатой нефтью, огненная пропасть, одинъ изъ тѣхъ источниковъ, которые горятъ непрерывно и огонь которыхъ имѣетъ значительную высоту.» Истахри и Эдриси молчатъ о бакинскихъ огняхъ, но съ нѣкоторою подробностью говорятъ о нихъ Хамдулла Казвини и Бакуви, первый по словамъ Абу-Хамида Андалузскаго, а послѣдній какъ очевидецъ.

Вотъ что говоритъ о бакинскихъ огняхъ Хамдулла Казвини.

«Еще тамъ же (въ «Чудесахъ творенія» соч. Абу Хамида Андалузскаго, писавшаго около средины XII столѣтія) говорится, что въ области Бакуиѣ есть земля, изъ которой выходитъ горящій огонь, такъ что на немъ мо-

жно приготовить хлѣбъ; во время дождя онъ не гаснетъ, а горитъ еще сильнѣе. Я видѣлъ эту землю: удивительно тамъ поле, на которомъ, если его немного раскопать, изъ раскопанной ямы также воспламеняется огонь».

Далѣе Хамдулла Казвини еще говоритъ:

«Еще тамъ же говорится, что противъ той земли есть въ горѣ разсѣлина, изъ которой течетъ вода: въ этой водѣ находятся кусочки мѣди вѣсомъ въ одинъ и два грана. Ихъ развозятъ въ чужія страны».

Съ сокрушеннымъ сердцемъ я оставилъ жилище людей, приблизившихся созерцательною жизнію къ состоянію животныхъ, а лѣнностію и бездѣйствіемъ доведенныхъ до крайней бѣдности. Не разрѣшивъ точнымъ образомъ своихъ сомнѣній о происхожденіи и религіи ихъ, я долженъ былъ возвратиться въ Баку и думать о новыхъ средствахъ къ достиженію опредѣленныхъ результатовъ.

Ксчастію въ моемъ ученомъ отчаяніи принялъ участіе бакинскій уѣздный начальникъ К. И. Бучень и общалъ рѣшить вопросъ окончательно, познакомивъ меня съ самымъ толковымъ изъ индусскихъ мудрецовъ. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ Индусъ, въ возможно-благопристойномъ костюмѣ, и началъ объясняться со мною вполнину по-турецки, вполнину по-персидски. Изъ ломаныхъ турецко-персидскихъ фразъ мало по-малу открылось, что всѣ эти мудрецы имѣютъ самое темное понятіе о своей религіи. Другой, явившійся въ слѣдъ за первымъ отшельникомъ, вѣроятно для поддержанія извѣстій своего товарища, только сбивалъ его съ толку, такъ что наконецъ я долженъ былъ просить этого вреднаго комментатора помолчать. То, что разсказалъ мнѣ Индусъ въ таинственно-запутанныхъ фразахъ, я постараюсь передать здѣсь короче и безъ прибавленій несюснаго коммен-

татора, но съ драгоцѣнными замѣчаніями нашего извѣстнаго оріенталиста П. Я. Петрова.

Всѣ живущіе въ зданіи мудрецы пришли изъ Индіи: самъ разсказчикъ родомъ изъ Лагора, другъ и комментаторъ его изъ Тенессерима, третій изъ Качбуди, и т. д. Говорятъ они по-индустани, а о зендскомъ и парси до сихъ поръ еще и не слыхали. Писать умѣетъ только одинъ мой разсказчикъ: остальные мудрецы пера не умѣютъ взять въ руки. Письмо свое онъ назвалъ Гурмуки и для удовлетворенія моего любопытства написалъ мнѣ буквами, похожими на санскритскія, слѣдующія слова и фразы:

«Суреджъ» солнце.

«Таре» звѣзда.

«Чандурма» луна.

«Джуалямай» огонь.

«Аге шагаръ джавеге» я ходилъ сегодня въ городъ.

«Ма гарнеге» я не ходилъ домой.

«Тере пита кундека» вашего отца видѣлъ.

«Менъ Лягура сунъ ая» я пришелъ изъ Лагора.

Потомъ въ доказательство своихъ глубокихъ познаній, Индусъ медленно и съ гримасами написалъ мнѣ по-санскритски :

«Джаи сиранъ.»

«Срирамъ чантаджи» Богъ.

По объясненію многоученаго друга моего П. Я. Петрова, первое письмо мудреца принадлежит къ числу тмо-численныхъ индуcскихъ алфавитовъ и называется «гурумукъи» наставнико-ротымъ, потому что изобрѣтеніе его приписывается наставнику Нанеку; языкъ какъ и письмо также изъ числа индуcскихъ: это ясно видно по сравненію словъ гурмукскихъ съ чисто санскритскими. Въ санскритскомъ солнце называется «сурья», луна «чандрама», пламя «джувалана», звѣзда «таре», отецъ «пита», идти «и»; нѣкоторыя написанныя Индусомъ слова, напр. «шагаръ» городъ, «тере» вашъ, принадлежатъ индуcтани. Что же касается до санскритскихъ словъ, то индуcскій философъ, кажется, на нихъ споткнулся, потому что такая бездна премудрости, какъ санскритскій языкъ и письмо, даются въ руки не каждому: первая фраза мудреца написана, какъ и все его санскритское письмо, не совсѣмъ правильнымъ почеркомъ и звучитъ собственно: «джая шрирама», что значить: побѣди благословенный Рама! Вторая фраза начинается словами: «при рама» благословенный Рама — Рама есть седьмое воплощеніе Вишну, похожее, съ большими натяжками, на младшаго Бахуса — и оканчивается словомъ «чантаджи», котораго значеніе не извѣстно.

Богослуженіе апшеронскихъ Индусовъ состоитъ въ чтеніи молитвъ на распѣвъ, въ держаніи рукъ надъ головой и въ хлопаніи въ ладони: впрочемъ, при достовѣрномъ изслѣдованіи оказывается, что религія брахманская имъ мало извѣстна, а ничтожныя продѣлки, которыя они выдавали Гг. Эйхвальду, Сюзанне и другимъ за обряды своей религіи, употребляются ими собственно для полученія денегъ съ довѣрчивыхъ посѣтителей; при мнѣ даже омовенія, предписываемыя брахманской религіей, уже не исполнялись строго. Покойниковъ они хоронятъ не одинаково: самъ повѣствователь долженъ быть по смерти сожженъ на неугасимомъ огнѣ, а мудрейшаго изъ муд-

рыхъ зарюють въ землю въ сидячемъ положеніи: первый обрядъ употребляется болѣе у Вишнуитовъ, а второй у Шиваитовъ, составляющихъ нынѣ главныя секты въ Индіи. Систематическихъ и точныхъ понятій о религіи я не могъ добиться отъ моихъ мудрецовъ, и всѣ вопросы объ этомъ предметѣ получали въ отвѣтъ краснорѣчивое молчаніе, причину котораго мудрецъ объяснилъ изломанною турецкою фразой: «катышди харабъ олдумъ» перемѣшавшись, я испортился. Этимъ и заключилось мое знакомство съ огненными отшельниками.

По собраннымъ мною въ Баку свѣдѣніямъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ при Атепгахъ жило много Индусовъ, а именно въ то время, когда индѣйскій купецъ Собра Могундасть имѣлъ на откупѣ сальянскіе рыбныя промыслы: во времена Г-на Эйхвальда Индусовъ было здѣсь до двадцати четырехъ человѣкъ. Пользовавшись денежными и другими пособіями своего соотечественника, мудрецы проводили спокойно дни свои въ созерцаніяхъ, а для богослуженія имѣли брахмана. Но во время набѣга Персіянъ на эти мѣста въ послѣднюю персидскую компанію индѣйскій откупщикъ обанкрутился, и мудрецы остались безъ подпоры и содержанія: легковѣрному Г-ну Сюзанне они даже повѣствовали, что Персіяне сожгли у нихъ всѣ санскритскія книги, относящіяся къ огнеслуженію. Передавая рассказъ Индусовъ, Г-нъ Сюзанне не замедлилъ къ восточной лжи прибавить западную, которая, разумѣется, ужъ почише первой: Г-нъ Сюзанне утверждаетъ, что Баку въ 1826 году по Р. Х. былъ взятъ персидскими войсками!

Въ настоящее время при Атепгахъ находится до семи Индусовъ: всѣ они монахи «іогни» соединившіеся съ Богомъ или «дигамбара» нагіе, и по-этому не должны заботиться о своемъ пропитаніи, а въ Индіи люди ихъ разряда даже не берутъ на себя труда просить милостыню: все имъ подается благочестивыми Индусами безъ всякой

просьбы. Мудрѣйшій изъ мудрыхъ принадлежитъ, по-видимому, къ братству «тапаса» кающихся, у которыхъ изувѣрство доведено до *plus ultra*: одни изъ нихъ стоятъ цѣлую жизнь, обнявши дерево, другіе держатся цѣлые годы за сучекъ, третьи не выходятъ никогда изъ кѣтки, иные ходятъ въ цѣпяхъ или держатъ руки распростертыми до тѣхъ поръ, пока рука высыхаетъ и уже не можетъ измѣнить своего положенія. Удивительные тапасы! Что же касается до апшеронскихъ югни, то отъ безпорядочнаго поведенія ихъ бакинскій уѣздный начальникъ въ совершенномъ отчаяніи: Г-ну Эйхвальду и Сюзанне они показались людьми очень мирными, заслуживающими всякаго снисхожденія, но это не совсѣмъ справедливо. Лѣность ихъ внѣ всякихъ границъ: по распоряженію Г. Главнокомандующаго Закавказскимъ краемъ отведена имъ земля для обработыванія; отшельники, предпочитая всему въ мірѣ тѣлесное и душевное спокойствіе, отдають ее изъ половины въ наймы сосѣднимъ жителямъ, и такъ какъ получаемого съ посѣва половиннаго дохода недостаточно для блаженнаго *far niente*, то мудрецы прибѣгаютъ по временамъ къ промышленности своего рода — перепродаютъ краденныя вещи, и проч. Одинъ изъ нихъ какъ-то ухитрился обобрать мѣдныхъ истукановъ у своихъ сожителей и отправился немедленно въ Шамаху, гдѣ намѣревался открыть новую торговлю индусскими идолами, но, къ счастью его единовѣрцовъ, успѣли отобрать истукановъ и самого спекулятора воротили назадъ.

Изъ всего приведеннаго благосклонный читатель уже давно заключилъ, что на Апшеронскомъ полуостровѣ никогда не было Гебровъ, а всегда обитали Индусы, которыхъ иные ученые и путешественники, какъ наприм. Лангле, Сюзанне, принимали за Гебровъ. Исповѣдуемая ими религія, обряды, идолослуженіе, языкъ, родина и наконецъ самая фizioномія, все говоритъ объ индѣйскомъ происхожденіи. Персидскіе Гебры, съ которыми я познако-

мился въ Тегеранѣ и Ширазѣ, не имѣютъ ничего общаго съ Индусами апшеронскими ни въ религіи, ни въ языкѣ, ни въ физиономіи; на вопросъ мой о бакинскихъ неугасимыхъ огняхъ, Гебры отвѣчали отрицательно и даже съ любопытствомъ спрашивали меня: «что это у васъ тамъ за Атешгахъ? Намъ и дѣла нѣтъ до него! Огонь мы уважаемъ какъ начало, но никакого особеннаго почета къ бакинскому Атешгаху не питаемъ».

Свѣтъ и огонь во всѣ времена служили символомъ божества, а Индусы почитаютъ огонь до нынѣ, точно также какъ и солнце. По системѣ брахманской миеологіи огонь, какъ достойное уваженіе начало, осуществленъ въ лицѣ божества Агни, живущаго въ Агнилока. Это божество называется иначе «Павака» очиститель, и принадлежитъ къ числу восьми покровительствующихъ міръ и людей божествъ; супруга его называется Агнаи или Сваха. Индусы въ честь этого божества поддерживаютъ съ величайшимъ стараніемъ священный огонь на горѣ Тирунамали; кромѣ того въ санскритской духовной литературѣ огонь очень часто воспѣвается въ «Джуалямукистотрахъ» или въ стихотвореніяхъ въ честь «огненныхъ зѣвовъ», и упоминаются въ священныхъ сочиненіяхъ «джуалямукы» огненные зѣвы, къ числу которыхъ принадлежатъ и бакинскіе неугасимые огни. Жертвоприношеніе огню предписано брахманамъ ежедневно подъ именемъ хомамъ и совершается слѣдующимъ образомъ: приступающіе къ этому священнодѣйствию брахманы должны быть чисты душою и тѣломъ; платье на нихъ должно быть бѣлое. Они садятся у «веди» алтаря, на «питаемъ» маленькую подушку, и читаютъ или поютъ слоку или строфу изъ священныхъ книгъ. Передъ ними находится колокольчикъ, горящій факель и есудъ, наполненный кокосовымъ масломъ; вокругъ лежатъ по частямъ, на большихъ листьяхъ банана, матеріалы для жертвы: сандалное дерево, финики, миндаль, рисъ, цвѣты, листья деревьевъ и проч.

Употребленіе этихъ предметовъ различно: брахманы въ этомъ случаѣ сообразуются съ священными книгами. Поэтому куски дерева раскладываются въ порядкѣ на жертвенникѣ и зажигаются факеломъ, и тогда по знаку, данному колокольчикомъ, выливается на горящіе куски кокосовое масло и бросаются въ огонь плоды, цвѣты и листья, причемъ священнодѣйствующій брахманъ тайно читаетъ одно изъ заклинаній «мантрамъ». Не сомнѣваюсь, что подобное жертвоприношеніе хотѣлъ мнѣ представить Индусъ на неугасимыхъ огняхъ, но по неимѣнію-ли необходимыхъ для жертвоприношенія средствъ, или просто по незнанію полного обряда, исполнилъ только нѣкоторыя части его.

Сверхъ жертвоприношенія огню у Индусовъ существуетъ съ глубокой древности очищеніе отъ грѣховъ огнемъ: многіе индусскіе мудрецы живо сожигали себя на кострахъ. Александръ Македонскій извлекъ индусскаго философа Каляма изъ уединенія, но въ то время, когда побѣдитель полсвѣта надѣялся соблазнить отшельника роскошью своего двора, индусскій мудрецъ торжественно сжегъ себя на кострѣ. Другой индусскій мудрецъ, отправленный своимъ государемъ къ Римскому Императору Августу, соскучившись дальнею дорогою, сжегъ себя въ Афинахъ.

Не довольствуясь опредѣленіемъ націи, къ которой принадлежатъ бакинскіе Индусы, я желалъ опредѣлить и самую ихъ секту, не смотря на неточность и сбивчивость сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, и по-этому обратился къ изслѣдованіямъ Уильсона объ индусскихъ сектахъ, но не нашелъ здѣсь ничего похожаго ни между Вишнунитами, ни между Шиваитами, и проч. Впрочемъ Шиваиты, божество которыхъ Шива есть олицетвореніе огня, имѣютъ большое сходство съ моими апшеронскими знакомцами. Что же касается до упоминаемаго у Г-на Сюзанне глав-

наго праздника Индусовъ «сималя», отправляемаго 30 Декабря, то по индусскому календарю значится въ это время нѣкоторый праздникъ «Пауши» декабрьско-генварскій, не имѣющій, по видимому, большаго значенія.

Вѣроятно Скифы и Геты почитали огонь, какъ Греки и Римляне. Жители Халдеи и многихъ другихъ странъ Западной Азіи почитали огонь подъ именемъ Уг: Халдеи, говоритъ Форнабіусъ, почитаютъ огонь и воду началомъ вещей; это напоминаетъ новѣйшихъ Вулканистовъ и Нептунистовъ. У Грековъ идея мужескаго небснаго огня выражалась въ Аполлонѣ; Римляне считали огонь душою природы, что видно изъ жизни Ромула и Рема у Плутарха, и во время осенняго равноденствія отправляли праздникъ *Natalis solis invicti*; Гераклій и Гиппастъ, говоритъ Плутархъ, считали огонь началомъ всѣхъ вещей. Сверхъ того обитатели Греціи и Италіи почитали Весту; при Римскомъ дворѣ носили огонь передъ Императорами. Германскія племена уважали огонь, а сибирскіе и американскіе язычники почитаютъ его донынѣ. Огонь мы находимъ во всѣ времена въ храмахъ различныхъ религій. О почитаніи огня у новѣйшихъ Гебровъ говоритъ Шарденъ, а Нибуръ рассказываетъ, что Гебры въ Суратѣ двѣсти лѣтъ берегли священный огонь. ●

Бакинскіе неугасимые огни такъ любопытны и такъ привлекательны, что я не отказался отъ случая посѣтить ихъ вторично. Случай былъ удивительно благопріятенъ: кромѣ огней я могъ осмотрѣть и Апшеронскій полуостровъ, на которомъ, мнѣ говорили за вѣрное, существуютъ древности одного характера съ «Дѣвичьей башней». Случай этотъ олицетворялъ собой бакинскій уѣздный начальникъ К. И. Бучень, отправлявшійся по дѣламъ службы на Апшеронскій полуостровъ. Кромѣ меня, любопытнаго *ex professo*, нашлись многіе любители необыкновеннаго, и составилось общество довольно разнообразное и многочисленное, тѣмъ болѣе, что поѣздка предстояла не дальняя.

Въ качествѣ «путешественника по Востоку» я ѣхалъ верхомъ и не оставлялъ безъ вниманія ни одного бугра песчаного, которые встрѣчаются на каждомъ шагу, ни одной постройки, сколько-нибудь сносной, которыя встрѣчаются не на каждомъ шагу, но не смотря на все стараніе не сдѣлалъ никакого открытія отъ самаго Баку до деревни Маштаги, нашего пристанища. Путешествіе по Апшеронскому полуострову представляетъ неслыханное на Востокѣ удобство: лѣнивый путешественникъ, къ рязряду которыхъ я безъ всякаго стыда причисляю и себя, можетъ отдохнуть здѣсь на каждыхъ десяти верстахъ, такъ близко расположены здѣшнія деревни одна отъ другой.

Впрочемъ, на этотъ разъ не лѣность заставила меня остановиться въ Маштагахъ, но замѣчательность этой деревни по недавнему землетрясенію, разрушившему большую часть домовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Маштаги представляла страшное зрѣлище: дома съ упавшими кровлями и разрушившимися стѣнами, земля во многихъ мѣстахъ треснувшая, и грустные жители на опустѣлыхъ улицахъ наводили на посѣтителя невольную тоску. Эта несчастная деревня была разрушена землетрясеніемъ назадъ тому лѣтъ восемьдесятъ, но съ тѣхъ поръ оправилась и закипѣла народонаселеніемъ, какъ новое бѣдствіе постигло ее въ Декабрѣ 1841 года: довольно сильный подземный гулъ около 10 часовъ утра извѣстилъ жителей о наступающемъ землетрясеніи и далъ имъ время выбраться изъ своихъ домовъ. Не смотря на паденіе кровель и стѣнъ, никто не погибъ. Подземные удары и колебаніе земли были замѣчены на большомъ разстояніи: подобныя событія на вѣроломной почвѣ этой страны не рѣдкость.

Соболезнуя отечески о несчастіи, постигшемъ маштагинскихъ жителей, Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать имъ на вспоможеніе 2,000 руб. серебромъ. Для раздачи Царской Милости лично от-

правился въ Маштаги бакинскій Уѣздный Начальникъ и другіе чиновники; въ числѣ прочихъ находился и вашъ усердный писатель.

Прибытіе наше въ Маштаги оживило деревню: жители знали о Монаршей щедротѣ, знали о цѣли поѣздки своего Начальника и встрѣтили нашъ караванъ веселыми привѣтствіями. Немедленно по вѣздѣ въ деревню, К. И. Бученъ приступилъ, по заранѣ составленнымъ спискамъ, къ раздачѣ Высочайшаго вспомошествованія: обрадованные жители съ нетерпѣніемъ толпились у входа, и, не подозрѣвая, что я понимаю по-татски, отъ души благословляли Русское Правительство и Высокаго Виновника общей радости. Полюбовавшись на эту сцену, отрадную для Русскаго сердца, я отправился обозрѣвать деревню.

Маштаги составляетъ главное мѣсто маштагинскаго участка и до послѣдняго землетрясенія было значительною деревнею. Весь бакинскій уѣздъ раздѣленъ на два участка: маштагинскій и бинагединскій, изъ которыхъ послѣдній болѣе населенъ и заключаетъ въ себѣ большее число деревень. Не смотря на разрушеніе многихъ домовъ почти все народонаселеніе деревни Маштаговъ находилось на лицо: число всѣхъ превышало три съ половиною тысячи. По примѣру большей части восточныхъ деревень, Маштаги имѣетъ укрѣпленіе съ довольно высокой стѣной, очень пострадавшее отъ землетрясенія: мечеть внутри укрѣпленія не заслуживаетъ вниманія. Треснувшія или разсыпавшіяся стѣны и упавшіе потолки домовъ представляли живописный безпорядокъ, пріятный для глазъ, но тяжелый для сердца!

Между тѣмъ какъ Уѣздный Начальникъ занимался раздачею вспоможенія, общество наше отправилось въ сосѣдную деревню Бузоню на восточный обѣдъ къ одному изъ тамошнихъ дворянъ мусульманскихъ Аляръ-Беку. Пе-

реѣздъ былъ очень близкій и занимательный, потому что одинъ изъ провожавшихъ насъ наѣздниковъ показывалъ свое искусство на конѣ. Ловкость и быстрота движеній всадника и коня были изумительны: послушное животное гнулось и прыгало подъ искусною рукою какъ кошка, а наѣздникъ то спрыгивалъ съ коня на землю, то несся на сѣдлѣ скрытый подъ лошадью, нагибался и подбиралъ съ земли брошенные платки. Все это дѣлалось очень легко, плавно, безъ всякой принужденности и усилія, не въ примѣръ нашимъ вольтижерамъ: иногда перемѣна движеній наѣздника была такъ быстра и неожиданна, что нельзя было глазу усмотрѣть за нимъ, и напрасно врагъ думалъ бы поразить его въ это время! Другіе наши провожатые старались соперничать съ лихимъ юношей, носились вокругъ насъ на коняхъ, но все это было далеко до искусства этого наѣздника. Я видѣлъ опыты горскаго умѣнья владѣть конемъ, но ни прежде, ни послѣ не испытывалъ такого удовольствія, глядя на ровныя, почти небрежныя движенія нашего спутника, при всѣхъ его трудныхъ эволюціяхъ. Любопытство заставило меня спросить о немъ, и я узналъ, что онъ еще недавно служилъ съ честью въ Варшавскомъ мусульманскомъ эскадронѣ и принадлежить къ довольно благородной крови Закавказскаго Дворянства.

Въ Бузонью мы прибыли къ самому обѣду. Чрезвычайно ласковый и богатый хозяинъ отдалъ въ наше распоряженіе весь свой домъ и садъ. Мы воспользовались послѣднимъ, зашли въ виноградники, и, утоливъ жажду, завели перестрѣлку виноградомъ, къ чему подалъ примѣръ самъ хозяинъ Аляръ-бекъ. Раненыхъ послѣ этой перестрѣлки не оказалось, но оконтуженныхъ было много.

Я не буду описывать восточнаго обѣда: радушію хозяина не было предѣловъ, а блюдамъ не было счета. Пловы и кебабы различныхъ сортовъ смѣнялись одни другими; для разнообразія являлись и европейскія кушанья.

Роскошный десертъ положилъ конецъ кебабамъ, и послѣ чашечки кофе à l'oriental я отправился на осмотръ деревни и ея окрестностей.

Бузонья, Бузогна или Бузовна — называйте какъ угодно, потому что всѣ три названія равно приняты — принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ деревень машагинскаго участка и представляетъ очень красивый пейзажъ съ своими обширными садами и раскиданнымъ строеніемъ. Въ ней живетъ болѣе тысячи человекъ. Древность этой деревни не подлежитъ сомнѣнію, но время ея основанія нельзя опредѣлить исторически: здѣсь находится довольно большое зданіе, называемое дворцомъ, и вѣроятно бывшее прежде загороднымъ домомъ бакинскихъ правителей. Кроме того старожилы рассказываютъ, что здѣсь была огромная башня, входившая въ систему стѣны Апшеронскаго полуострова. Но преимущественно привлекаетъ на себя вниманіе въ Бузонѣ могила армянскихъ святыхъ Иліи и Андрея, куда здѣшніе Армяне ходятъ на поклоненіе, и даже въ мой прїѣздъ находилось здѣсь два или три благочестивыхъ армянскихъ семейства.

Когда жили армянскіе святые Илія и Андрей и какъ протекла ихъ праведная жизнь — объ этомъ я ничего не могъ узнать отъ бакинскихъ Армянъ. Надобно замѣтить, что дагестанскіе и закавказскіе Армяне имѣютъ свои особенныя мѣста пелеринажей, неизвѣстныя общей грегорианской церкви. Могила Св. Иліи и Андрея съ грубымъ камнемъ и дурно изсѣченною армянскою надписью: «Илья, Андрей» находится на краю деревни; напротивъ могилы существуетъ четвероугольное небольшое зданіе съ круглымъ сводомъ: здѣсь, по словамъ Армянъ, была келья святыхъ отшельниковъ. Надъ дверьми ея выставлено имя какого-то Синма-Бузура, 1706 годъ, арабскими буквами и замѣтны остатки армянской надписи, почти изглаженной. Съ боку марапета, находящагося передъ кельей, существуетъ араб-

ская надпись, извѣщающая ученыхъ мужей, что это зданіе построено въ 885 (1480 — 1481) году, въ царствованіе Ширванъ Шаха Халиль Уллы, нѣкоторымъ Армяниномъ Атанваромъ сыномъ Туманъ-Шана сына Таксира сына Инта. Вообще здѣшнія надписи дурно изсѣчены и жестоко страдаютъ въ правописаніи, и по-этому я не ручаюсь за собственное имя Армянина-строителя.

Налюбовавшись на живописный видъ Бузоньи, я сѣлъ на коня и поскакалъ въ сосѣднія деревни, гдѣ меня ожидали, по словамъ жителей, большія рѣдкости.

Самая замѣчательная изъ ближнихъ деревень и едва ли не замѣчательнѣйшая на всемъ Апшеронскомъ полуостровѣ есть Мердханъ, Мердаканъ, Мердаханъ, или наконецъ Мардакентъ. Населеніе ея не значительно, но здѣсь находится довольно изящная мечеть, построенная въ 886 (1481 — 1482) году Халиль Уллою, и еще укрѣпленіе, построенное Мирза Мухаммедъ Ханомъ, вѣроятно бакинскимъ правителемъ, въ 1133 (1720 — 1721) году, какъ значится въ арабскихъ надписяхъ на мечети и укрѣпленіи. Кромѣ того я видѣлъ еще камень съ надписью Шахъ Меликъ Саляра, о которомъ никто не могъ мнѣ сказать ничего вѣрнаго, съ 53 годомъ гиджры (сотенная цифра, вѣроятно, стерлась).

Но главную достопримѣчательность деревни составляетъ находящаяся подлѣ нея высокая башня, по-видимому, состоявшая въ связи съ другими башнями на протяженіи полуострова къ морю. Эта башня сохранилась лучше другихъ и представляетъ болѣе оригинальности: она сложена хорошо изъ тесаныхъ небольшихъ камней; фигура ея правильный четвероугольникъ съ круглыми бастіонами по угламъ. Въ стѣнахъ башни есть камни съ арабесками; высотой она до 18 сажень и состоитъ изъ пяти этажей; толщина стѣнъ довольно значительна, до 2½ аршинъ. Баш-

ня освѣщается окнами, имѣющими фигуру тупыхъ треугольниковъ и помѣщенными одно противъ другаго. Для входа въ башню служатъ ворота, надъ которыми, говорятъ, былъ камень съ означеніемъ времени постройки самой башни, но этого теперь уже не существуетъ: разсказъ, вообще мало заслуживающій вѣроятія. Дѣйствительно, надъ воротами есть обломокъ камня съ надписью, но она довольно нова и едва-ли современна постройкѣ самой башни; въ этой надписи, дурно вырѣзанной, находится, по-видимому, собственное имя «Насръ Эль-Музафферъ ибнъ Табу ибнъ Бильараджъ»: впрочемъ, я не могу ручаться за твердость этого чтенія. Башня обведена кругомъ невысокой стѣной; внутри башни ходъ, вверху уже разрушившійся: кто-то изъ путешественниковъ поднимался по нему до самой вершины башни и спустился назадъ уже по веревкѣ, какъ говорили мои проводники.

Съ наружной стороны башня къ одному краю разрушена больше половины, какъ будто бы къ ней примыкала стѣна, уже упавшая. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ ближней деревнѣ Шаханахъ существуетъ остатокъ огромной стѣны, равняющійся высотой мердханской башни. Далѣе къ морю видны еще двѣ башни, но уже не четверугольныя, а круглыя, изъ которыхъ ближайшая сохранилась хорошо, а дальняя разрушена. Слѣдовъ стѣны, соединявшей эти башни, и бывшее существованіе которой я подозреваю, не замѣтно, но надобно знать, что ураганы заносятъ здѣсь пескомъ цѣлыя деревни, и по-этому не мудрено, что остатковъ стѣны, не имѣвшей той крѣпости постройки, какую имѣютъ башни, теперь не замѣтно.

Время построения и значеніе этихъ башенъ не извѣстно: по способу стройки, по наружной древности и даже по самому матеріалу онѣ обнаруживаютъ родство съ «Дѣвичьей башней» въ Баку и съ потопленными зда-

ніями въ Бакинскомъ заливѣ. Здѣшніе жители, по общей восточной натурѣ имѣющіе большую склонность къ чудесному, утверждаютъ, что во дни оны Каспійскаго моря здѣсь не было, а была суша и цвѣтущіе города, что эти башни и стѣны служили защитой отъ Тюркменовъ, которыхъ, какъ видно изъ этого, Персіяне всегда трусили. Этотъ рассказъ туземное краснорѣчіе подкрѣпляетъ извѣстіемъ, будто бы на восточномъ берегу Каспійскаго моря существуютъ въ этомъ же направленіи башни и стѣны подобной стройки.

Не отвергая безусловно этихъ предположеній, я долженъ сказать, что на восточномъ берегу Каспія по правому берегу Гургана дѣйствительно тянется стѣна изъ обожженныхъ кирпичей съ довольно частыми укрѣпленіями, что преданіе о соединеніи Апшерона съ восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря извѣстно и у Тюркменовъ, что въ этомъ мѣстѣ находится наименьшая ширина Каспія — 115 миль, что въ этомъ направленіи глубина моря почти вездѣ отъ 35 до 60 сажень, тогда какъ къ с. и ю. дна морскаго не дошупаешься, что порфиры Красноводска, по замѣчанію Гумбольдта, служатъ продолженіемъ кавказскихъ, что на обоихъ берегахъ видно обиліе нефти, замѣтной даже въ самомъ морѣ по этому направленію, что Апшеронъ носитъ явные слѣды вулканизма, также какъ и порфиры Красноводска, и что, наконецъ, въ морѣ по этому направленію идутъ ряды камней и плитъ, какъ будто бы остатки какихъ-нибудь зданій: все это вмѣстѣ взятое громко говоритъ въ пользу до-историческаго соединенія Апшерона съ Тюркменіей. Но противъ этого предположенія имѣется очень замѣчательная истина, что у самыхъ необразованныхъ народовъ физическій видъ страны нерѣдко заставляеть родиться идею о прежнемъ ея положеніи, и эта доморощенная идея является историческимъ преданіемъ; по-этому въ пользу соединенія Апшерона съ Гурганомъ можетъ служить только физическое образованіе мѣстности, что могло произойти въ эпоху до-историческую.

Избѣгая столь отдаленнаго предположенія, я думаю, что апшеронскія башни и стѣна, ихъ соединяющая, служили, подобно Дѣвичьей башнѣ, защитой отъ морскихъ набѣговъ каспійскихъ корсаровъ — Руссовъ, но что построение ихъ произошло въ эпоху не очень отдаленную, а существованіе стѣны и башенъ на восточномъ берегу Каспія не доказываетъ непрерывности строенія отъ Апшерона до Гургана во времена историческія.

Соймоновъ, во время плаванія по Каспійскому морю въ 1719 году, видѣлъ на Апшеронскомъ полуостровѣ три башни изъ тесанаго камня, одна отъ другой на версту разстоянія: это, по-видимому, тѣ самыя, которыя находятся въ Мердакентѣ и окрестности. Кромѣ нихъ этотъ плаватель упоминаетъ еще о десяти башняхъ къ сѣверу отъ первыхъ; построеніе всѣхъ ихъ, по словамъ жителей, принадлежитъ Александру Двурогому. Нечего и говорить, что это басня.

Въ настоящее время въ крайней къ берегу башнѣ помѣщаются казаки и таможенные объѣзчики, содержащіе карантинную и таможенную стражу; у средней башни находится колодезь съ хорошей прѣсной водой.

День склонялся къ вечеру, солнце пряталось за горизонтъ и высокія башни апшеронскія представлялись въ чудовищныхъ размѣрахъ: мнѣ пора было домой. На возвратномъ пути я проѣхалъ черезъ деревню Шаханъ, находящуюся близъ Мердакента, и Шевелянъ, лежащую въ 4 верстахъ отъ Шахана. Шаханъ населена незначительно, но здѣсь находится остатокъ стѣны апшеронской, видно небольшое зданіе надъ могилой сестры какого-то изъ Имамовъ, признаваемой мусульманами за святую, и около него расположено обширное кладбище. Въ Шевелянѣ находится ханскій дворецъ.

О деревняхъ Бильгэ и Нардаранъ я слышалъ только отъ туземцевъ, но самъ ихъ не посѣтилъ. О первой изъ

нихъ, называемой также «Кугне бильгэ» Старая бильгэ, известно только то, что въ ней находится гробница мусульманскаго святаго, называемаго «Пиръ гефтэ хуръ» старецъ въ недѣлю ѣвшій, получившаго такой титулъ потому, что онъ ѣлъ только разъ въ недѣлю. Эта деревня заносится песками: одни изъ бакинскихъ владѣльцевъ Селимъ Хановы лишились въ ней по-этому богатаго сада.

Въ деревнѣ Нардаранъ находятся довольно старыя мечети и есть также святой, называемой «Пири Нардаранъ» нардаранскій старецъ. Мусульмане говорятъ, что этотъ старецъ явился во снѣ одному изъ жителей и повелѣлъ ему возвѣститъ народу, что гробница его и большая часть деревни скрыты подъ пескомъ. Къ этой баснѣ подало поводъ то обстоятельство, что большая часть Нардарана и одна изъ мечетей открыты лѣтъ десять тому назадъ изъ-подъ песчаныхъ бугровъ, нанесенныхъ вѣтрами.

Апшеронскій полуостровъ выдается въ Каспійское море въ видѣ языка отъ з. къ в. между 40° и 41° С. Ш. длиной на семьдесятъ верстъ, а шириной на сорокъ. На всемъ полуостровѣ нѣтъ рѣкъ и дурная вода достается изъ колодцевъ; бѣдная травка появляется только весной на глинисто-песчаныхъ холмахъ, а лѣтомъ совершенно изсыхаетъ; по-видимому вся внутренность полуострова пропитана нефтью, которая обнаруживается во многихъ мѣстахъ. Не смотря на это, полуостровъ довольно населенъ и здѣсь-то преимущественно процвѣтаетъ садоводство, да и самое названіе его, кажется, происходитъ отъ персидскихъ словъ «аби-ширинъ» прѣсная вода, что могло быть дано въ честь родника, находящагося у подошвы апшеронскаго языка.

Кромѣ подземнаго вулканизма у Апшеронскаго полуострова есть не менѣе опасный врагъ: низменная, голая почва представляетъ обширное пространство, открытое всѣмъ возможнымъ вѣтрамъ; песокъ, нанесенный моремъ

на берега, воздымается сильными и частыми вѣтрами с. в. и носится тучами по цѣлому полуострову, такъ что во многихъ мѣстахъ представляются взорамъ песчаныя степи. Постоянно въ одномъ направленіи дующій вѣтеръ сноситъ песокъ на одно мѣсто, и отъ этого иногда цѣлыя деревни съ своими садами и большими зданіями исчезаютъ мало по малу подъ песчаными буграми. Песокъ очень мелокъ, солнечный жаръ скоро сушитъ его, и свѣтъ дневной меркнетъ, когда эти мелкія зерна поднимаются на огромную высоту: почти нѣтъ возможности укрыться отъ нихъ, и пылинки проникаютъ въ дома и даже въ запертые сундуки. Лѣтомъ 1842 года послѣ урагана нѣсколько селеній, особенно деревня Шаханъ, были почти засыпаны пескомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ лежитъ на пять аршинъ глубины. На южной сторонѣ Апшерона туземцы показываютъ на берегу нѣсколько пустыхъ мѣстъ, на которыхъ нѣкогда процвѣтали селенія, теперь засыпанныя пескомъ.

Страшно жить на Апшеронскомъ полуостровѣ: подъ ногами колеблющаяся земля, сверху неотразимые пески! Восточную часть полуострова занимаетъ персидское населеніе, говорящее нарѣчіемъ Татъ и по-тюркски, а на западной сторонѣ живетъ тюркское народонаселеніе.

Усталый отъ разнообразныхъ впечатлѣній и продолжительнаго, хотя и не дальняго странствованія, я возвратился въ Бузопью подъ гостепріимный кровъ Аляръ-Бека. Восточный ужинъ ожидалъ собравшееся общество, а послѣ ужина явились мусульманскіе музыканты и пѣвцы для увеселенія усталыхъ посѣтителей. Оркестръ состоялъ изъ четырехъ инструментовъ: «нагара» два маленькіе овальные барабана, изъ которыхъ одинъ громче и музыкальнѣе, а другой тише и непріятнѣе для слуха, «сазъ» балалайка о четырехъ струнахъ, «балабанъ» родъ флейты, и «кавалъ» мѣдный кругъ въ родѣ бубна. Оркестромъ управляетъ сазъ, дающій тонъ, въ которомъ должна быть играна

піеса: музыкантъ, играющій на сазѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ргіmo-tenore. На нагарѣ играетъ одинъ музыкантъ.

Пѣсни смѣнялись однѣ другими; восточное пѣніе и музыка довольно извѣстны и не могутъ нравиться европейскому слуху по своимъ неистовымъ и страннымъ звукамъ. Въ послѣдствіе времени мнѣ случилось слышать лучшихъ мусульманскихъ артистовъ въ Тегеранѣ, Каирѣ и Константинополѣ, но пѣніе, слышанное мной у Аляръ-Бека на Апшеронскомъ полуостровѣ, всегда представлялось мнѣ болѣе пріятнымъ. Я думаю, что близкое прикосновеніе съ образованною націею и европейскою музыкою улучшило вкусъ нашихъ закавказскихъ мусульманъ и отъучило ихъ отъ неистовыхъ и непріятныхъ криковъ и вопіющей музыки.

Много пѣсенъ грустныхъ и веселыхъ пѣлъ апшеронскій бардъ, но я запомнилъ только одну изъ нихъ. Вотъ она въ русскомъ переложеніи:

Палъ на горы снѣгъ,
Скрылись цвѣтики;
Слава Господу,
Придетъ милая!
Не кидай камней:
Я ужъ раненой;
Въ черномъ платьѣ я,
Душка въ красномъ вся.
Подъ стѣной растутъ
Здѣсь три розана:
Опадай листокъ —
Вѣтъ останется!
Я влюбленъ въ тебя:
Не помочь бѣдѣ!
У тебя въ рукахъ
Слаще меду сласть;

Отца, матери
 Милѣй милая !
 Ну, пойдѣмъ со мной
 Въ мою родину !
 Она жъ вѣеромъ
 Прохлаждается ;
 Взглядъ на милую
 Живить плѣнника !

*

* *

На вершинахъ горъ
 Все не таетъ снѣгъ.
 Въ цвѣтѣ розъ шиповъ
 Вѣдь не менѣе :
 Вѣдь не менѣе
 Любить милая,
 Хотя и каждую ночь
 На груди моей !
 Не сберешь гранатъ
 У стѣнъ крѣпости :
 Кто же столько смѣлъ,
 Говорить бы съ ней,
 Съ нею — утицей
 Сизокрылою ?
 Не могу назвать
 Тебя милою
 Не прижму пока
 Къ ретиву сердцу.
 Видѣлъ я ее
 У стѣнъ города :
 Сладко мнѣ она
 Улыбалася,
 Въ фереджѣ новомъ
 Красовалася !
 Ахъ, поди ко мнѣ
 Моя дѣвица !
 Не бросай камней :
 Я ужъ раненой.

*

* *

Послѣднимъ свидѣтельствомъ вниманія Аляръ-Бека къ своимъ гостямъ была устроенная имъ въ маломъ видѣ Лезгинка. Я видѣлъ не разъ этотъ танецъ, и кромѣ воинственнаго характера, придаваемого ему вооруженными Черкесами, другихъ красотъ въ немъ не нахожу: довольно пріятнымъ звукамъ музыки лезгинскаго танца не достаетъ плавныхъ и граціозныхъ движеній тѣла; у Грузинъ Лезгинка приняла другой, болѣе изящный характеръ.

На другой день все общество оставило Бузонью и возвратилось въ Маштаги, гдѣ все еще продолжалась раздача вспоможенія пострадавшимъ.

Послѣ обѣда весь караванъ нашъ двинулся въ обратный путь въ Баку. Вчерашнее джигитованье на коняхъ возобновилось, но уже не доставало отличнаго наѣздника: онъ уѣхалъ куда-то въ сосѣднюю деревню. Ободренный его отсутствіемъ, и я попробовалъ показать свое искусство въ верховой ѣздѣ. Отличавшійся вчера въ лезгинкѣ Эсаулъ (казакъ) уѣзднаго Начальника Кечи-Мирза игралъ теперь главную роль, и я, забывъ важность «путешественника», старался подражать ему въ пріемахъ, хотя большею частию неудачно. Послѣдняя и самая лучшая его выходка едва не стоила мнѣ дорого: перекинувъ стремяна черезъ сѣдло въ переплетъ, онъ утвердился въ нихъ ногами, сталъ на сѣдло и сильнымъ галопомъ пустился по полю, какъ лучшій волтижеръ въ циркѣ. Два раза отважился и я на такую же скачку, ввѣряясь ровному и правильному бѣгу горской лошади: первая попытка была удачна, а вторая кончилась дурно. Не умѣя соблюсти равновѣсія, я упалъ съ лошади: умное животное остановилось немедленно, я сѣлъ и поѣхалъ легкой рысью, размышляя о первомъ неудачномъ урокъ въ наѣздничествѣ.

Но я былъ неутѣшенъ.

Послѣ такого шумнаго паденія развѣ можно мнѣ было оставаться въ Баку?

На другой же день я изыскивалъ средства пробраться въ Сальянъ, не заѣзжая въ Шамаху и другіе любезные города Закавказья: я такъ зажилъ въ очень любезномъ Баку, что мнѣ необходимо было пронестись самымъ прямымъ трактомъ въ Персію, чтобъ посѣть во-время въ Тебризъ.

Но вотъ бѣда: изъ Баку почтовый трактъ идетъ на Шамаху, а на Сальянъ нѣтъ дороги сухопутнымъ; моремъ на ту пору не было оказіи. Не ѣхать же на верблюдахъ!... Какъ на верблюдахъ? Да развѣ въ Баку можно пойти верблюдовъ? спрашиваетъ въ недоумѣніи благосклонный читатель.

— Въ мое время находилось въ бакинскомъ уѣздѣ ровно пятьсотъ четыре верблюда, отвѣчаю я.

— Какимъ же образомъ мы читали въ одномъ недавно вышедшемъ очень умномъ путешествіи, что верблюды водятся только въ кочевьяхъ: стало быть и въ бакинскомъ уѣздѣ кочуютъ?

— Ничуть не бывало.

— Такъ стало быть вы «путешествуете» неправильно, на-выворотъ: вы противорѣчите общимъ истинамъ. Тотъ же умный путешественникъ подсмѣивается надъ Риттеромъ и находитъ, что германскій ученый говоритъ трогательно о совмѣстности верблюда лишь съ пальмой, но совершенно несправедливо.

— А я нахожу, что умный путешественникъ говоритъ самъ ни трогательно, ни справедливо, и что поправлять даже ошибки людей славныхъ въ наукѣ не такъ легко, какъ думается.

Къ моему благополучію, кромѣ верблюдовъ въ Баку

отыскался отважный ямщикъ съ надежными лошадьми, взявшійся доставить меня прямо въ Сальянъ.

16-го Сентября утромъ я оставилъ Баку съ сожалѣніемъ и опять покатилъ на тележкѣ вдаль, вдаль...

Дорога впрочемъ, я ѣду совсѣмъ безъ дороги, просто по берегу морскому: грустная картина безжизненной почвы, отъ которой бѣлымъ, утомительнымъ свѣтомъ отпрыгиваютъ солнечные лучи, наводитъ на душу тоску; ямщикъ молчитъ, лошади бѣгутъ однообразной рысью, растительности никакой, если сухую траву не считать растеніемъ, на-право возвышаются холмы, на-лѣво шумитъ Каспій

Скучная дорога!

Въ сорока верстахъ отъ Баку я остановился ночевать въ караванъ-сарай, называемомъ Сенгаджаль: это единственное мѣсто, гдѣ находится прѣсная вода на этомъ тракту. Конечно, мнѣ самому никогда не пришлось бы въ голову останавливаться здѣсь, но лошади устали, ямщикъ хотѣлъ спать, и я долженъ былъ покориться общему желанію и животныхъ и возницы.

Сенгаджаль обыкновенный караванъ-сарай, немного лучше, чѣмъ караванъ-сарай между Кубой и Баку, и немного хуже, чѣмъ персидскіе караванъ-сарай: дворъ обведенъ конурами, а надъ входомъ находится неизбежное «баля-ханэ» съ тремя разрушающимися комнатами. На камнѣ справа отъ входа значится по-арабски, что это постройка Халиль Уллы: вѣроятно и другіе караванъ-сарай между Баку, Шамахой и Сальяномъ выстроены этимъ же Ширванъ-шахомъ, и по-этому едва-ли не напрасно приписываютъ ихъ Шаху Аббасу I.

Мнѣ не хотѣлось провести опасную восточную ночь подъ открытымъ небомъ, и я отправился въ баля-ханѣ. При входѣ моемъ многочисленные обитатели этого края — ящерицы и змѣи скрылись съ свистомъ въ расщелины. По-поламъ со страхомъ я улегся на каменномъ полу, и тревожимый подозрѣніемъ, что кромѣ змѣй и ящерицъ могутъ водиться въ караванъ-сараѣ и скорпіоны, долго не могъ заснуть. Шумъ неугомоннаго сосѣда — Каспія и усталость наконецъ усыпили меня, но едва началъ гре- зиться мнѣ первый сонъ, какъ вѣрный слуга мой Карапетъ явился съ извѣстіемъ, что лошади выкормлены, и что осталось только сѣсть и ѣхать.

Я подивился неусыпности Карапета, сѣлъ и поѣхалъ. Это было ровно въ часъ по полуночи.

Море еердито волновалось; съ грохотомъ разбивалсь валы о каменистый мысъ Сенгамилъ, выдающійся далеко въ море около Сенгаджалъ. Въ Баку мнѣ говорили, что на Сенгамилѣ находятся древнія арабскія надписи разныхъ собственныхъ именъ: судьба не привела мнѣ видѣть эти надписи, можетъ быть и потому, что я не вѣрю въ ихъ существованіе.

Телѣжка опять потянулась вдоль морскаго берега, который состоитъ здѣсь изъ известковаго плитняка и глины, а по окраинамъ моря устанъ наноснымъ пескомъ. Мѣстами по невысокому берегу возвышаются бугры, изъ которыхъ иногда бьютъ ключи горько-соляной воды «рапы» и обнаруживаются прожилки нефти. Такое же образованіе имѣютъ и побережные острова. Мѣстами замѣтны псевдовулканы, и кромѣ того встрѣтилось мѣсто съ огромными камнями, раскиданными по скату горъ и по полю вправо отъ дороги.

Въ шестнадцать верстахъ отъ Сальяна я остановился

отдохнуть на Казачьемъ посту: на всемъ пространствѣ отъ Сенгаджалѣ здѣсь находится единственная лужа прѣсной воды, и то мутной.

Съ этого мѣста дорога уже не такъ пустынна и мнѣ часто встрѣчались арбы съ проѣзжими туземцами.

Вечеромъ я прибылъ благополучно въ шестую главу — въ Сальянъ.

